

ЛИНГВИСТИКА **LINGUISTICS**

УДК 81'38801.6.808

*Воронежский государственный университет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Аспирант Калеел Ахмед К. Калеел*

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-82-49;
e-mail: aahmedam2000@yahoo.com*

*Voronezh State University
The chair of General Linguistics and Stylistics
Post-graduate Student
Kaleel Ahmed K. Kaleel
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-82-49;
e-mail: aahmedam2000@yahoo.com*

Калеел Ахмед К. Калеел

КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу случаев контаминации устойчивых выражений и их элементов на страницах современных печатных средств массовой информации

Kaleel Ahmed K. Kaleel

THE CONTAMINATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE MODERN SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE

The article is devoted to analysis of transformed phraseological units and their parts on the pages of the contemporary press.

Известно, что трансформированные устойчивые выражения создаются всегда преднамеренно в расчёте на перлокутивный эффект. Они способствуют в основном эффективной реализации авторских интенций и реализуют одновременно информативную и воздействующую функции. В приёмах и способах трансформирования устойчивых выражений, а также в их актуализации главенствующая роль принадлежит контексту. Приведём примеры.

Однорукие чиновники [НГ, 15.02.2008, с. 18]. Так назывался текст о проверке закрытия игорных клубов в Воронеже и обнаружении ещё действующего казино, где были завсегда таями местные чиновники. Исходное выражение, в котором была произведена замена компонента, имеет вид *однорукий бандит*, которое является номинантом артефакта 'механизм, автомат в игорных домах'. Приём замены несколько завуалированно, но всё-таки помогает реализовать интенцию обвинения в адрес известных людей.

Страна, в которой все хаты с краю, отравлена корыстью, и у каждого встречного бьётся в глазах мысль:

где б взять денег? Или: где бы ещё денег? [НГ, 29.01.2009]. Этот текстовый фрагмент демонстрирует комплексную трансформацию и структуры и семантики известной поговорки *моя хата с краю, ничего не знаю*, которая со временем претерпела усечение и превратилась во фразеологизм *моя хата с краю*, что значит 'меня что-либо совершенно не касается, абсолютно не имеет ко мне отношения; не моё дело'. Поговорка, прежде чем стать таковой, могла быть ответом крайне осторожного, пугливого жителя деревни на вопросы, расспросы незнакомого человека. Дело в том, что на селе хаты с краю строили приезжие новосёлы, которые не были в курсе дел и событий, происходящих в центре, где жили старожилы – и тогда, возможно, это было прямым отрицательным ответом на какой-либо вопрос [5: 62]. Автор трансформации производит замену притяжательного местоимения *моя* определительным *все*, что позволяет резко негативно оценить сегодняшнюю ситуацию в стране в целом.

Пословица *Дело мастера боится* сегодня получила широкое распространение в виде трансформов в публицистическом дискурсе. В словаре А.Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» приведено семь её трансформов [3]. В нашем материале встретился ещё один трансформ: *Дело Хизвера боится*. Замена компонента *мастер* реальной фамилией юриста Хизвера даёт возможность автору актуализировать терминологическую сему в семантической структуре слова *дело*: *Дело Хизвера боится* [НГ, 21.09.2007]. Так назывался текст, в котором речь шла об опытном юристе, умеющем «оживлять» в суде «мёртвые» законы.

Расширение фразеологизма *капля в море*, то есть 'чрезвычайно мало чего-либо' по сравнению с чем-либо, имею-

щего библейское происхождение из сравнения *как капля в море* [4: 50], привело к возрождению прямого денотативного значения у слов *капля* и *море*. Определение, выраженное относительным прилагательным, конкретизирует реальный объект, а капля, взятая из моря на обследование с целью обнаружения в воде химических вредных веществ, имеет реальную референцию: *Капля в Воронежском море* [НГ, 26.01.2007].

На «Авторadio» катили запасные баллоны [НГ, 29.01.2009]. Исходным устойчивым выражением для приведённого текстового фрагмента стало устойчивое просторечное выражение, изначально шутовское *катить бочку (на кого-либо)*, то есть 'ругать, бранить кого-либо, обвинять в чём-либо, оговаривать'. Трансформ, носящий жаргонный характер, реализует цель защитить «Авторadio» от нападков некоторых чиновников и тем самым обнаружить свою журналистскую позицию по отношению к сложившейся ситуации.

Иронически звучит трансформ в заголовке *Одно зло плохо, два – лучше* [НГ, 05.02.2009], – предваряющем текст о газовой войне между Россией и Украиной, которая заставила Европу искать газ в Тегеране. Исходная поговорка: *один ум хорошо, а два – лучше*.

Если же хорошо знакомый с предметом президент путин действительно не сочтёт нужным реагировать жёстко, законопроект останется под сукном до более спокойных времён [НГ, 01.03.2006]. Автор трансформации в приведённом текстовом фрагменте, желая подчеркнуть отсутствие результата после принятия законопроекта при определённых условиях, воспользовался исходным устойчивым выражением *положить под сукно*, сменившим *положить в долгий ящик*. Структурная трансформация заключается в замене глагольного компонента: *поло-*

жить → *остаться*, что приводит к изменению залога.

Монику перевели от дальнейшего греха подальше в Пентагон [Коммуна, 03.03.1999]. Автор этого фрагмента текста передаёт информацию о реальном событии, произошедшем с Моникой Левински. Известное исходное выражение *от греха подальше*, то есть ‘желание избежать опасности, риска и т.п.’ помещается им в другой контекст, в котором употребляющееся исходное выражение обретает локальный распространитель *в Пентагон*. Кроме того, исходное выражение распространяется и определением. Ср. нормативное употребление: *Многие перевозили – от греха подальше – свои семьи* [КП, 09.06.2005], где выражение *от греха подальше* функционирует как вводное.

Ну, а подарочек для воронежских строителей – за это барину спасибо, конечно. Хотя он вполне может быть вилами писан [НГ, 12.03.2009]. Исходным устойчивым выражением для данного трансформы послужило выражение *вилами на (по) воде писано*, которое является неодобрительным и ироничным. Оно имеет значение ‘нечто, не заслуживающее доверия, сомнительное’. Сокращение фразеологизма и связь с конкретным существительным *подарочек* делает более экспрессивным весь текст. По свидетельству Е. Грушко и Ю. Медведева, исходное выражение представляет собой кальку с греческого или латинского оборота *писать на воде* с переносным значением ‘выполнять бесполезную работу, ничего не делать’ [7: 70]. А.А. Ивченко считает, что данный фразеологизм является результатом переосмысления свободного словосочетания *писать вилами по воде*. Переносное значение ‘нет уверенности в том, о чём говорят’, развилось из первоначального образа – не остаётся следов на воде, если писать на ней вилами [13: 143-145]. Ю.А. Гвоздарев связыва-

ет происхождение этого фразеологизма с суеверным языческим оберегом – заговором от водяного, что описано у А.А. Афанасьева: крестьяне предохранялись от козней водяного, чёрта во время заговора крестом, ножом и косой, которые являются символами бога Перуна. Сама «сомнительность» появилась вследствие скептической народной оценки таких заклинаний, которые не приносили желаемых результатов [4: 27]. Е.С. Грабчикова связывает историю этого выражения с одним из древнейших видов гадания по воде. В Персии, например, по расходящимся от брошенного в воду камня кругам определяли будущее. Что касается слова *вила*, то оно первоначального значило ‘круги’ (ср. *вилок*, диалектное *вил* ‘завиток’). Со временем это значение стало неактуальным и теперь ошибочно связывается с современным *вила* ‘сельскохозяйственное орудие’ [6: 14].

В нашем материале встретился ещё один трансформы этого устойчивого выражения: *Вилами – по воде, и не только* [НГ, 05.03.2009]. Такая трансформация состоит одновременно в усечении исходного выражения (элиминирование) глагольной формы компонента *писано* и в многозначительном добавлении, о семантике и прагматике которого можно лишь догадываться. Статья под этим заголовком содержала информацию о невыполненном властями города обещании наладить работу общественного транспорта.

Чрезвычайно широкое распространение и известность пословицы *По одежке встречают, по уму провожают* даёт возможность автору её сократить и эксплицитно представить только один компонент. Всё остальное читатель домыслит самостоятельно: *По одежке* [РГ, 20.08.2009, с. 24].

Замена компонента *бочка* в исходном выражении *каждой бочке затычка* современной реалией *тачка*

(жаргонное ‘машина’) даёт возможность автору трансформировать сделать яркий, привлекающий внимание заголовок к тексту о проблеме пробок на дороге. Слово *затычка* означает ‘гвоздь, пробку для закупоривания дыры в бочке’ [8: 654]: *Каждой тачке затычка* [Русский формат, 30.01.2008].

Корень – всему голова [РГ, 27.08.2009, с. 22]. Так называлась статья о флоксах и примуле, популярных у садоводов цветах, у которых развита корневая система, за счёт чего они прекрасно зимуют в грунте в условиях средней полосы. Исходным для этого заголовочного трансформации послужила поговорка *хлеб – всему голова*. Образное значение слова *хлеб* связано с символикой хлеба как важнейшего продукта питания (ср. корень – важнейший орган у растений). Такая трансформация была нужна автору, чтобы конкретизировать тему публикации.

Когда-то была распространена формула гуманного отношения и взаимного уважения между людьми, получившая языковое оформление в виде афоризма *Человек человеку – друг, товарищ и брат*. Это выражение было употреблено в Программе КПСС, принятой XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза в 1961 году. Оно представляло собой перефразировку (антонимическую трансформацию) выражения из «ослиной комедии» древнеримского писателя Плавта «Человек человеку волк» – также формулы, но только крайнего эгоизма, индивидуализма. Автор следующей метаморфозы заменяет компонент *волк* в исходном выражении современной реалией *рейдер*: *Причём отнимут и поделят не только новые кадры, но и бывшие коллеги. Джунгли же: человек человеку – рейдер!* [НГ, 19.03.2009, с. 2], где английское слово *raider* означает в современном использовании ‘внезапное нападение группы лиц, самостоятельно

принявших решение уничтожить другую группу людей’.

Главное, что теперь можно не беспокоиться о судьбе сборной Государственной Думы по футболу – она в надёжных ногах. Так делается в России истинное и абсолютно суверенное народовластие [НГ, 28.05.2009]. Замена компонента исходного выражения *быть / находиться в чьих-то руках*, то есть ‘быть в зависимом положении от кого-то’, и добавление, расширение фразеологизма прилагательным-определением *надёжных* помогает автору приведённого текстового фрагмента с лёгким юмором обозначить и конкретизировать тему публикации.

У нас была очень опасная тенденция после Беловежских соглашений во времена Станислава Шушкевича, когда все русские были посажены на чемоданы [Коммуна, 18.10.2007]. В данном фрагменте для грамматической трансформации было выбрано устойчивое выражение *жить / сидеть на чемоданах*, то есть ‘быть готовым к отъезду, бегству’. Автор не случайно заменяет активную конструкцию исходного выражения, когда субъект производит действие, направленное на объект, пассивной – когда объект подвергается воздействию со стороны субъекта или субъектов, хотя обеими конструкциями описывается одна и та же ситуация. Автору необходимо было представить её несколько иначе: именно так, как диктуют ему действительные события, о которых он информирует читателей.

Устойчивое выражение *до свадьбы заживёт* – утешение человеку, с которым произошло что-либо неприятное, шутивное успокаивание – стало исходным для его трансформации, состоящей в замене компонента *заживёт* глаголом *отсидит*. Приведённый трансформ предварял статью о несовершенстве судопроизводства по делам несовершеннолетних. Такая замена

сразу обозначает тему сообщения: *До свадьбы отсидит* [НГ, 14.09.2007].

Сложная комбинированная трансформация предпринята автором статьи об обмане жильцов «проблемных» домов. Выделенные государством деньги на капитальный ремонт жилья они так и не увидели. Статья называлась *Капитальный пролёт* [НГ, № 70, 2007]. Такой заголовок, безусловно, привлечёт внимание читателя, понимающего и легко восстанавливающего исходное свободное, но устойчивое выражение *капитальный ремонт*, ставшее составным профессиональным термином. Замена компонента *ремонт* словом *пролёт* от глагола *пролететь* в просторечном значении ‘потерпеть неудачу’ из известного разговорного устойчивого выражения *пролететь, как фанера над Парижем* (о безнадёжной ситуации), привела к тому, что переосмыслился первый компонент – *капитальный*. Это слово в новом контексте актуализировало сему ‘основательный, мощный’.

Оппозиция растёт из-под палки [НГ, 20.04.2007, с. 4]. Исходным устойчивым выражением для данного трансформации в заголовке послужил фразеологизм (*делать что-либо*) *из-под палки*, то есть ‘по принуждению, против собственной воли’. Автор помещает это выражение в несвойственный ему контекст, благодаря чему осуществляет свою интенцию намекнуть на принудительные меры к созданию протестных движений. Статья была посвящена проблеме демонстраций протеста пенсионеров, которые теперь выходят на митинги, несмотря на то, что раньше были далеки от политики.

Дом преткновения [НГ, 30.03.2007]. Исходное выражение, ставшее основой для трансформации замены компонента, – *камень преткновения* – обозначает какую-либо серьёзную помеху, препятствие, затруднение, встречаемое при решении какой-либо

проблемы. Выражение заимствовано из Библии. Операция замены компонента приводит к осуществлению непосредственной связи трансформации в заголовке с темой публикации, которая затрагивала распределение «капремонтного» бюджета в Центральном районе и конкретно – ремонт дома с соевой на улице Алексеевского.

Нулевой перлокутивный эффект, по нашему мнению, имеет трансформированное устойчивое выражение, представляющее собой компаративное сочетание *биться как рыба об лёд*, то есть ‘предпринимать тщетные усилия, действовать с бесполезным упорством’. *Как лето об лёд* [НГ, 06.07.2007, с. 23]. Так называлась статья об открытии хоккейного сезона в июне. Замена компонентов *рыба* → *лето* не выполняет ни одной из возможных функций заголовка, хотя можно интерпретировать его как дефразеологизацию.

Устойчивое выражение *удар ниже пояса* передаёт значение ‘измены, предательства, коварства и подлости’. Это значит, кто-то кому-то нанёс поражение исподтишка. Приём замены компонента *захват*, называющего новую реалию, был необходим автору, чтобы связать заголовок с темой публикации. Текст передавал информацию о захвате одного из офисов проектного института: *Захват ниже пояса* [НГ, 13.07.2007, с. 8].

Перевод отрицательной модальности в утвердительную использован в трансформации поговорки *ломать не строить*, содержащей глубокий смысл: ‘ломать легко, а строить сложно’. В заголовочном трансформации содержится иной смысл, выраженный имплицитно. Он становится понятным только по прочтении текстового материала, который передавал информацию о насильственном выселении жильцов из старых домов: *Ломать и строить* [НГ, 24.08.2007].

В следующем фрагменте для грамматической трансформации использован фразеологизм *откладывать / отложить в долгий ящик*, то есть 'оттягивать исполнение какого-либо дела на неопределённое время'. Автор использует только часть фразеологизма, изменяя его грамматическую форму, с тем чтобы оживить данное устойчивое сочетание, дать ему новую жизнь в старой ситуации, связанной с волокитой: *Тысячи таких заявлений ожидают своей очереди в долгом ящике – в то время как на лучших городских участках рождаются и растут (в большинстве случаев с нарушением законодательства) жилые многоэтажки, бизнес-комплексы, рестораны, казино и т.д.* [НГ, 29.09.2006].

Приведём также несколько примеров того, как изменяется семантика выражения в результате замены одной или нескольких фонем. *Галка о двух концах* [НГ, 23.11.2007]. В тексте под таким названием речь шла о том, что избирателям дают рекомендации, что нужно делать с бюллетенем, но никто не разъясняет, каков будет результат для людей и страны. Исходным устойчивым выражением для трансформации стало выражение *палка о двух концах*, имеющее значение 'неизвестно, как может кончиться что-либо, хорошо или плохо'. *Палка* заменена на *галку*, то есть *галочку*, которую ставят против фамилии претендентов на выборах.

Следующий пример демонстрирует случай авторской трансформации, заключающейся в замене компонента устойчивого выражения *альма-матер*: *Альма-фатер* [НГ, 26.03.2009]. Заголовок понятен только после прочтения текста, поскольку становится ясно, что автор имеет в виду результат возможного объединения вузов. Исходное выражение возникло от лат. *alma mater*, означающего 'кормилица, мамка' (*alma* 'питающая, кормящая', *mater* 'мать').

Так в Средние века студенты называли университеты, в которых получали «духовную пищу» в качестве их «питомцев» [11: 254]. Видимо, автор трансформированного выражения в заголовке полагал, что после укрупнения вузов эти учебные заведения будут называться «кормящими отцами», поскольку *фатер* – от нем. *Fater* 'отец'. *Пальма-матер* [НГ, 24.10.2008]. Добавление фонемы /п/ к слову *альма*, дало возможность автору заголовка поиздеваться над депутатом В. Резником, купившим собственность в Пальма-де-Майорке через компании по недвижимости, связанные с питерским криминальным «авторитетом» Г. Петровым. Таким образом, игрой слов, основанной на «фонетической мимикрии», автор реализовал свою интенцию.

Сито-крыто [НГ, 18.06.2009, с. 15]. Исходным для этого трансформации стало выражение *шито-крыто*, которое обозначает какую-либо тайну, секрет, нечто скрываемое. Замена одной фонемы /ш/ на /с/ позволяет автору косвенно намекнуть на некоторые скрытые рычаги, действующие на ЕГЭ в сельских школах. Не случайно появился именно этот трансформ: *сито* – кухонная утварь, через которую просеивают муку, а любой экзамен – это «просеивание» абитуриентов: в результате кто-то отсеется.

Слухи царя небесного [НГ, 09.02.2007]. Исходное выражение этого трансформации – *олух царя небесного*, где *олух* – это глупец, лентяй, неряха и другие неблагоприятные наименования человека, ждущего милости от царя небесного, то есть бога. Автору трансформации необходимо было уже в заголовке подчеркнуть несостоятельность слухов о продаже за бесценок земли на берегу Балтики.

Из истории известен девиз, согласно которому лучшим методом управления многонациональным госу-

дарством признаётся разжигание межнациональной вражды, розни: «Разделяй и властвуй». Этим принципом руководствовался ещё римский сенат. По свидетельству составителя «Словаря крылатых слов и выражений» А. Кирсановой, Г. Гейне в письме из Парижа от 1 января 1842 года называет автором этого выражения македонского царя IV в. до н.э. Филиппа [14: 309]. Данный афоризм послужил исходным материалом для следующего трансформации в заголовке: *Разливай и здравствуй!* [НГ, 16.02.2007]. Так, при сохранении структуры афористического выражения изменился его смысл, связанный с информацией, содержащейся в тексте под этим заголовком. В нём шла речь о необходимости возрождения вытрезвителей. Понятен и иронический подтекст, указывающий на отношение автора трансформации к поднятой в обществе проблеме.

Желая подчеркнуть точность расчёта политики президента, автор трансформирует исходное выражение *не в бровь, а в глаз*, то есть ‘вовремя, с точным соответствием предпринятого какого-либо действия’: *Не в бровь, а в газ* [НГ, 16.02.2007]. Так была озаглавлена статья, передающая информацию о поездке президента на Ближний Восток, в ходе которой велись переговоры о поставках газа. Семантика осталась в трансформации прежней, но в результате замены компонента исходного устойчивого выражения осуществлена привязка к теме публикации.

Авторы современных газетных заголовков трансформируют не только устойчивые выражения фразеологизированного типа, но и обычные устойчивые сочетания слов в прямом значении, нагружая их семантику дополнительными, трудно уловимыми подтекстами: *Концерт для голоса с оркестром* [НГ, 16.02.2007]. В приведённом заголовке, привычном для глаза и уха

штампе *концерт для голоса с оркестром* компонент *концерт* заменён на созвучное с ним *концепт*. Без обращения к самому тексту понять смысл данного заголовка достаточно сложно, тем более что не все знают поэта А. Пригова и то, что он был представителем целого направления в современной поэзии – концептуализма. Нерелевантность, неуместность трансформации обусловлена ещё и тем, что такой заголовок предварял информацию о смерти А. Пригова – лидера Российского концептуализма, заключающуюся в представлении идей, смыслов в известных художественных произведениях в абсурдной, алогичной, иногда в бессмысленной форме. Только знание данной энциклопедической информации позволяет понять трансформацию в заголовке как авторскую пародию на это направление в литературе и искусстве.

Операция замены компонента известного системного устойчивого выражения *кость в горле / поперёк горла*, то есть ‘нечто проблемное, трудно разрешаемое’ дала возможность автору конкретизировать саму тему публикации: *Холокост в горле историка Д. Ирвинга* [КП, 05.07.2006].

Потерянный край [НГ, 27.06.2008]. Так называлась статья о брошенных деревнях, о гибели русской глубинки. Автор трансформации использовал операцию замены компонента *рай* в составе устойчивого книжного выражения *потерянный рай* – так говорят об утраченном счастье. Такая замена была получена благодаря добавлению одной фонемы к слову *рай*. Это дало возможность конкретизировать тему уже в заголовке и выразить в нём прямую констатацию факта, что, естественно, способно привлечь внимание к проблеме русской глубинки и понять позицию автора в отношении поднятой проблемы в публикации.

Стол заказов [НГ, 29.02.2008, с. 15]. Этот пример любопытен тем, что трансформации подвергается свободное сочетание слов *стол заказов*, где слово *стол* использовано во вторичном денотативном значении. Добавление фонемы к слову *стол* → *ствол* помогает автору реализовать интенцию осуждения и намёка на заказные убийства.

В следующем примере трансформации подвергается детская дразнилка *тили-тили-тесто, жених и невеста*. Только знание этого незамысловатого выражения даёт возможность понять смысл заголовка и его семантико-тематическую связь с текстом под ним: *Тили-тили-тест* [НГ, 06.10.2007]. Усечение одной фонемы в слове *тесто* способствует указанию на содержание информации в публикации, в которой речь шла о виртуальных невестах, обманывающих иностранных женихов на миллионы долларов.

Семь кругов парада [НГ, 25.01.2008]. Исходным для приведённого заголовка стало книжное устойчивое выражение *все круги ада*, то есть ‘человеческие страдания’, восходящее к поэме выдающегося итальянского поэта Д. Алигьери «Божественная комедия», где, по замыслу автора, лирический герой вместе с поэтом Вергилием проходит все круги ада – подземной воронкообразной пропасти, которая, сужаясь, достигает центра земного шара; склоны пропасти опоясаны concentрическими уступами, «кругами» ада (их девять), в каждом из которых мучаются определённые категории грешников [22: 14]. Пройти все круги ада – значит перенести тяжелейшие испытания, пережить много горя. Автор добавляет числительное *семь* и заменяет компонент *ад* словом *парад*. Текст под этим заголовком содержал информацию об указании президента В. Путина проводить 9 мая военные парады, как в советское время, – с участием тяжёлой

военной техники. Не с первого раза становится понятен смысл авторской интенции. Семь кругов – это, вероятно, семь дней, посвящённых репетиции будущего парада, так что можно интерпретировать трансформацию как намёк на сложность проведения таких парадов, сравнимых с кругами ада.

Между небом и Землянымком [НГ, 25.01.2008]. *Жить / пребывать между небом и землёй* – это значит быть в неопределённом положении или жить, не имея крыши над головой. Замена компонента *земля* названием районного центра *Землянк* позволила автору заявить о неопозволительной ситуации, сложившейся в Землянском интернате, где живут не вписанные в федеральную программу дети. Он них просто забыли.

Комбинированная трансформация исходного шутливо-ироничного выражения *когда рак на горе свистнет* в значении ‘никогда’, образованного по фольклорной формуле невозможного, то есть как оксюморон, в основе которого лежит недействительный, абсурдный факт, позволяет автору следующего фрагмента констатировать печальный факт отмены рок-фестиваля «Нашествие»: *В музыкальной тусовке не утихают споры: по приказу партии или нет рок на горе свистнули* [НГ, 13.07.2007, с. 22]. Мы можем наблюдать в данном трансформе использование нескольких приёмов трансформаций: 1) замена одной фонемы: *рак* → *рок*; 2) изменение грамматической формы слова: *свистнет* → *свистнули*, в результате чего актуализируется сема ‘украли’ в глаголе-омониме прошедшего времени 3 лица множественного числа, то есть ‘запретили’.

Между Сциллой и Харизмой [НГ, 2006]. Так называлась статья о выборах депутатов в Госдуму. Исходное выражение – фразеологизм *между Сциллой и Харибдой*, то есть ‘находиться в тяжёлом положении, когда опасность ко-

му-либо угрожает с двух сторон. Это выражение-фразеологизм произошло от названий двух мифологических чудовищ, живших на скалах по обеим сторонам узкого Мексиканского залива. Они хватали и пожирали проплывавших мимо путешественников [6: 60]. Есть версия, что в действительности Сцилла и Харибда – это два утёса на противоположных берегах пролива между Сицилией и Италией, опасных для мореплавателей своими подводными скалами и водоворотами. Яркое описание мифических чудовищ в поэме Гомера «Одиссея» способствовало популярности фразеологизма во многих языках мира [20]. *Харизма* (от греч. *charisma* ‘милость, божественный дар’ [2: 439].

Структурная и смысловая трансформация фразеологических единиц, крылатых фраз и «выражений, стремящихся к устойчивости», на основании классификации Б.В. Кривенко [16: 44-49] и в свете подтипов лексического варьирования, описываемого Е.И. Дибровой [9: 107], рассматривается в работе И.А. Зюбиной, где трансформация определяется как одно из средств создания экспрессивных заголовков [12: 203-206]. Несомненно ценными являются собранные автором данные о частотности типов так называемой аналитической трансформации. По данным И.А. Зюбиной, частотность пяти основных типов структурной, аналитической трансформации, такова: лексическая трансформация – 78 %, синтаксическая – 7 %, паронимазия – 7 %, лексико-семантическая трансформация – 5 % и контаминация – 3 % [12: 203].

Контаминация (от лат. *contaminato* ‘смешение’) приводит к возникновению нового устойчивого выражения посредством скрещивания, объединения частей двух слов и выражений. Термин *контаминация* давно используется в лингвистике. Он пришёл из ан-

глийского языка и, как указано в «Словаре лингвистических терминов», означает ‘скрещение’, то есть «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или образованию новой (третьей) языковой единицы» [1: 206]. Ж. Марузо даёт следующее определение контаминации: «*Контаминация* – это действие, оказываемое одним элементом на другой, с которым первый связан или постоянно, или случайно, но таким образом, что между ними осуществляется скрещение....» [18: 139].

Выделяют два вида контаминации: а) линейное соединение, когда два устойчивых выражения следуют одно за другим: «они битый час переливали из пустого в порожнее» (из разговорной речи). В этом примере в один ряд выстроены два устойчивых выражения *битый час*, то есть ‘очень долго’ и *переливать из пустого в порожнее*, то есть ‘заниматься бесполезным делом, вести пустые разговоры’; б) скрещивание двух разных устойчивых выражений, имеющих общий элемент: *Лучше больше и налогом* [Известия, 24.04.2003, с. 2]. Здесь наблюдаем контаминацию устойчивых выражений *дальше – больше* и *лучше поздно, чем никогда*.

Считается, что контаминация фразеологизмов – редкое явление «в силу своей самобытности» [21: 104]. По вопросу о том, происходит ли при фразеологической контаминации образование новой единицы языка, существует мнение, что «контаминация фразеологизмов – это смешение в одном двух или нескольких фразеологизмов, которое не приводит к образованию новой единицы» [23: 105].

Исследователи такого вида трансформов выделяют два их типа: 1) Слияние (скрещивание) двух фразеологи-

ческих единиц или – шире – устойчивых сочетаний. Ср. : *Они попали под холодный дождь и промёрзли до нитки* [КП, № 27, 2007], – где сокращены два выражения: *промёрзнуть до костей* и *промокнуть до нитки*. Любопытно, что в «Тезаурусе...» уже отмечены выражения-формулы *промёрзнуть до нитки*, что является результатом устойчивой контаминации этих выражений, то есть это тот редкий случай, когда повторяющаяся трансформация, состоящая в контаминации, приводит к существованию двух устойчивых выражений, ставших синонимами; 2) «Линейное соединение устойчивых выражений: присоединение и включение» [21: 106].

Примером такого типа контаминации может служить следующий фрагмент текста: *Наши чиновники, похоже, привыкли оттягивать всё, вести в долгий ящик* [Моё!, № 17, 2008]. Устойчивые выражения *оттягивать время* и *откладывать в долгий ящик* близки в семантическом отношении, что позволяет использовать их в одной фразе, в однородном ряду её членов в виде градации. Исходное выражение *оттягивать время* ‘не делать чего-либо в положенный срок’ и *откладывать / отложить (положить) в долгий ящик*, то есть ‘откладывать исполнение какого-либо дела на неопределённый срок’, синонимичны.

Ироническое обыгрывание устойчивого выражения *стучать зубами*, что значит ‘испытывать страх, ужас или холод’, когда «зуб на зуб не попадает» и свободного сочетания *под стук колёс* реализует намёк на плохое обслуживание в поезде и голодное существование пассажиров, находящихся в дороге: *Под стук зубов. За ж/д билет мы платим немалые деньги и не получаем при этом гарантий элементарного сервиса в дальней дороге* [НГ, 11.1.2008, с. 14].

Существуют выражения: *жить задним умом*, то есть ‘правильно рассуждать или действовать лишь после того, как произошло непоправимое’, и *задним умом крепок* – ироническое выражение, содержащее лёгкий укор, часто при самоиронии или в случае обобщения: *Мужик задним умом крепок* [10: 126], то есть не способен сразу сообразить и принять нужное решение вовремя. Н.М. Шанский и другие исследователи рассматривают это выражение как результат контаминации таких выражений, как *задним числом* и *делать задним умом*. «Задний» ум – это медлительный и недоверчивый человек при виде нового, пользующийся готовыми образцами, противопоставляющийся в народе «переднему» уму как высшей познавательной способности, помогающей изобретать и внедрять свои изобретения. По свидетельству В.И. Зимины и А.С. Спирина, у русского мужика развитие «заднего ума было обусловлено скудостью специальных знаний, отсутствием разделения труда, неразвитостью экономической теории» [11: 121]. В авторском употреблении в приведённом фрагменте публицистического текста трудно узнать системные исходные фразеологизмы. Журналист снова прибегает к нарушению сочетаемости, поскольку *задним числом* значит ‘поздно’, даже ‘слишком поздно’, и сочетается это выражение с глаголами *оформить, получить, приписать что-либо задним числом*, но никак не *мечтать*, поскольку мечтать никогда не поздно. Кроме того, сожаления о несбывшемся никак нельзя назвать «мечтаниями». Мы относим такое нарушение сочетаемости к некорректному использованию трансформации, затуманивающему смысл данного текстового фрагмента.

Операция добавления определения *царская* к устойчивому выражению *Охота пуце неволи* актуализирует но-

вое развившееся значение у слова *охота*, хотя и не полностью исчезает и первоначальное значение – ‘желание’, которое содержится в исходном выражении. Пословица *Охота пуце неволи* употребляется в ситуации, когда добровольно и охотно, по собственному желанию берутся делать что-либо трудное, сложное, за что другой (или другие) не взялся бы или делал бы больше по обыденности. Автором, возможно, использована контаминация, состоящая в перекрёстном объединении двух выражений: 1) *царская охота* – название пьесы Володина и 2) *Охота пуце неволи*, где наречие *пуце* означает ‘сильнее’: *Уж как сотрясли Орловскую область коррупционные скандалы, уж и самому Строеву пора праправнуками интересоваться, но царская охота пуце неволи, и бывший губернатор добыл-таки себе место в Совете Федерации России* [НГ, 19.03.2009, с. 2].

Контаминация двух и более устойчивых выражений, заключающаяся в смешении, объединении двух устойчивых выражений на основе функциональной или семантической близости, позволяет говорящему повысить экспрессию и усилить воздействующий эффект своей речи в приведённой журналистом цитате в следующем фрагменте публикации: *Из стенограммы пресс-конференции В. Путина: «...решая проблему реставрации и обеспечения нормальной деятельности Конституционного суда, мы сразу одним ударом убиваем двух зайцев»* [НГ, № 16, 2006], – где контаминировались устойчивые выражения – поговорка и фразеологизм *одним ударом семерых и убить двух зайцев*.

Устойчивая формула *куча-мала* имеет значение ‘беспорядок’. Так говорят, когда вещи или люди хаотично сгруппированы. На основе этой формулы креативное мышление автора приводит к трансформе следующего фраг-

мента: *Лето – лучшее время для приготовления компоста. Куча мала, да удала* [РГ, 30.07.2009, с. 22]. В результате контаминации из двух устойчивых выражений *куча-мала* и *мал да удал* рождается фраза, подчёркивающая большую пользу даже маленького количества удобрения.

Все ждали приезда мэра Ульяновска Ермакова. Однако тот так и не почтил собравшихся своим вниманием [НГ, 08.03.2006]. Автор данного фрагмента текста использовал трансформацию, заключающуюся в контаминации двух устойчивых выражений: *оказать / оказывать внимание / почтение кому-либо*, то есть ‘быть предупредительным, почтительным с кем-либо’, и ритуального, официального выражения *почтить память вставанием*, то есть ‘отдать дань памяти умершим’. Вероятно, своим трансформом автор хотел выразить своё негативное отношение к мэру Ульяновска. Соединив два выражения в одно, он подчеркнул, что мэр не оказал ни почтения, ни внимания. Хотя, возможно, что он ошибочно нарушил устойчивую сочетаемость компонентов в исходном выражении.

На наш взгляд, следующий пример трансформы, полученного с помощью приёма контаминации, можно считать ошибочным. В нём скрестились два устойчивых выражения: *держат нос по ветру*, то есть ‘приспосабливаться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения’, и *сходить до ветру* – просторечный эвфемизм, обозначающий ‘сходить в туалет’. По свидетельству Ю.И. Левина, первоначально оно имело вид *сходить на двор, где ветер дует* [17: 39]. Статья под таким названием – результат контаминации: *Нос до ветру* [НГ, № 38, 2008] – содержала информацию о либералах, которые могут переметнуться вместе в изменением политического выбора.

Позиция автора по отношению к таким либералам явно неодобрительна.

Прокуратура сделала вид, что начальство ничего не знает про обязательства ГУП «Свой дом» и «ЖБИ-2-инвест» сдать готовый дом через три месяца после подписания договора и получения денег. Те получили денежки – а теперь хоть трава у этого дома не расти! [НГ, 30.05.2009]. В представленном фрагменте публицистического текста применена контаминация выражений *хоть трава не расти* и название популярной песни «Трава у дома». Это дало возможность автору выразить порицание тем, кто нажился на неблагоприятном деле. Выражение *хоть трава не расти* означает ‘полное безразличие, равнодушие к чему-либо’. Образован этот оборот, по мнению А.М. Чепасовой, способом усечения более пространной поговорки *Хоть трава не расти, лишь бы сено было* [24: 212].

Вот ещё примеры трансформации, полученные с помощью контаминации: *Кто старое помянет, за тем глаз да глаз. Особенно если поминают такое неоднозначное событие, как падение Казанского ханства, сопровождавшееся кровавыми битвами и массовой гибелью с обеих сторон* [НГ, 17.10.2008]. В этом фрагменте целая фраза – результат контаминации пословиц: 1) *Кто старое помянет, тому глаз вон*, то есть нельзя вспоминать негативное прошлое, и 2) *глаз да глаз нужен за кем-либо*, то есть необходим контроль, особое внимание, опека. Автор специально смешивает два устойчивых выражения, чтобы предупредить о том, что необходимо следить за теми, кто переосмысливает историю, и не всегда доверять их интерпретации её.

Как-то на совещании в том же Мурманске, ещё когда премьером был Касьянов, главу тогдашнего Госкомрыболовства Наздратенко прижали к стенке вопросом [КП, 12.10.2005]. В

данном фрагменте контаминировались два исходных выражения: *поставить к стенке кого-либо*, то есть ‘расстрелять, казнить’, и *поставить в тупик кого-либо*, то есть ‘привести в дискомфортное, неловкое, а возможно, и в безвыходное состояние’. На наш взгляд, такая трансформация не вполне оправдана: она не релевантна, если под релевантностью понимать метакатегорию, которая, в конечном счёте, определяет ценность высказывания (ср. *val-eur* – по Ф. де Соссюру). Кроме того, речь в публикации идёт об известных людях, и использование просторечного выражения, представленного трансформом, выглядит неэтично.

Прихлопнуть змия в бутылке [НГ, 23.11.2007]. Уже в заголовке статьи, благодаря компонентам *змий* и *бутылка*, становится ясно, что речь в публикации пойдёт о спиртных напитках. Здесь происходит контаминация двух исходных устойчивых выражений: компаративного сочетания *прихлопнуть как муху кого-либо*, то есть ‘раздавить, быстро и легко убить’, и книжного *зелёный змий*, то есть ‘алкоголь’. В статье шла речь о подорожании алкогольной продукции в связи с осуществлением контроля за ней. Автор трансформы реализует интенцию неуверенности в успехе проекта, отсюда и игровой заголовок, который имплицитно выражает недоверие к успешному решению проблемы.

Правда, не с нашими командами, то есть не с воронежским «Динамо», которое они размазали, как ту муху по стенке (в обоих матчах – 5:0), и не с лискинским «Локо», которого, похоже, будет ждать та же участь [Коммуна, 30.08.2007, с. 6]. В данном фрагменте использован приём контаминации двух синонимических устойчивых выражений: *прихлопнуть / раздавить ... как муху кого-либо* и *размазать по стенке / стене кого-либо*, то есть ‘оказать нега-

тивное физическое воздействие, физическое насилие'. Видимо, автор хотел привлечь внимание к публикации включением сниженного выражения *размазать по стенке* и тем самым приблизиться к читателям – футбольным болельщикам.

Приём контаминации использован в следующем фрагменте: *При том заметно, что на более-менее сильного соперника подопечные Геннадия Симина выходят с хорошим настроем, а на слабого – как получится. Как душа ляжет* [Коммуна, 30.08.2007, с. 6]. В этом примере друг на друга наложились два устойчивых выражения: *душа (не) лежит у кого-либо к чему-либо*, то есть 'кто-либо доброжелательно, положительно или отрицательно относится к чем-либо'. Известно, что с образом души связано предсмертное представление о месте, где сосредоточены чув-

ства человека, чему и обязано происхождение этого фразеологизма [15: 37]. Другим источником данного трансформации стало разговорное устойчивое выражение (кстати, ещё не зафиксированное в словарях) *как карта / фишка ляжет*, то есть 'повезёт или не повезёт', пришедшее из сферы гадания, раскладывания пасьянсов или других игр.

Итак, как видно, в поисках большей выразительности авторы публицистических текстов часто прибегают к трансформации, в том числе к контаминации, в результате которой устойчивые выражения получают неожиданный, непривычный реципиентам вид, вызывая тем самым их повышенный интерес и реакцию: в этом, собственно, и заключается механизм выразительности трансформаций как стилистического приёма, к которой всегда стремится пишущий.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. Д.Н. Ушакова]. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 1268 с.
3. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // СПб. : Нева. – 576 с.
4. Гвоздарев Ю.А. Пусть связь речений далека : Очерки по русской фразеологии / Ю. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1982. – 206 с.
5. Грабчикова Е.С. Фразеологический словарь-справочник русского языка / Е.С. Грабчикова. – Минск : Асар, 2000. – 176 с.
6. Грабчикова Е.С. Фразеологический словарь-справочник русского языка / Е.С. Грабчикова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 155 с.
7. Грушко Е. Современные крылатые слова и выражения / Е. Грушко, Ю. Медведев. – М. : Рольф, 2000. – 544 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1978-1980.
9. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
10. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков. – М. : Просвещение, 1980. – 429 с.
11. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М. : Сюита, 1996. – 543 с.

12. Зюбина И.А. Трансформация как одно из средств создания экспрессивных газетных заголовков / И.А. Зюбина // Единицы языка : функционально-коммуникативный аспект : материалы межвуз. конф. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – Ч. 2. – С. 203-206.
13. Ивченко А.А. Вилами по воде писано / А.А. Ивченко // Русская речь. – 1987. – № 3. – С. 143-145.
14. Кирсанова А. Толковый словарь крылатых слов и выражений / А. Кирсанова. – М. : Мартин, 2004. – 448 с.
15. Костючук Л.Я. Процессы становления и функционирование устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах / Л.Я. Костючук : дис. ... докт. филол. наук. – Псков, 1983. – 369 с.
16. Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь / Б.В. Кривенко // Русская речь. – 1998. – № 3. – С. 44-49.
17. Левин Ю.И. Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева / Ю.И. Левин // Materialien zur Russischen Kultur. – Graz : Verlag von Heinrich Pfyndl, 1996. – Band 2. – 95 с.
18. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 435 с.
19. Мокиенко В.М. Образы русской речи : Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1986. – 277 с.
20. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 608 ст.
21. Ройзензон Л.И. О фразеологической контаминации в русском языке / Л.И. Ройзензон, И.В. Абрамец // Русский язык в школе. – 1969. – № 3. – С. 104-107.
22. Солганик Г.Я. Толковый словарь : язык газеты, радио, телевидения / Г.Я. Солганик. – М. : АСТ : Астрель, 2000. – 752 с.
23. Фразеологический словарь русского языка / [под ред. А.И. Молоткова]. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
24. Чепасова А.М. Фразеолообразование : Динамические процессы во фразеологии / А.М. Чепасова // Челябинская фразеологическая школа : научно-исторический очерк. – Челябинск : Изд-во Челябин. гос. пед ун-та, 2002. – С. 209-219.

References

1. Akhmanova O.S. The Dictionary of Linguistic Terms / O.S. Akhmanova. – M. : Soviet Encyclopedia, 1969. – 607 p.
2. The Great Defining Dictionary of Russian Language / [ed. by D.N. Ushakov]. – M. : AST : Astrel, 2004. – 1268 p.
3. Valter H. Antiproverbs of Russian People / H. Valter, V.M. Mokienko // SPb. : Neva. – 576 p.
4. Gvozdarev Y.A. Though the Connection of Phraseological Units is Far : the Description about the Russian Phraseology / Y.A. Gvozdarev. – Rostov-on-Don : Knizhnoye Izdatelstvo, 1982. – 206 p.
5. Grabchikova E.S. The Phraseological Dictionary and Handbook of Russian Language / E.S. Grabchikova. – Minsk : Asar, 2000. – 176 с.
6. Grabchikova E.S. The Phraseological Dictionary and Handbook of Russian Language / E.S. Grabchikova. – Rostov-on-Don : Fenix, 2001. – 155 с.
7. Grushko Y. The Modern Winged Words and Expressions / Y. Grushko, Y. Medvedev. – M. : Rolf, 2000. – 544 p.
8. Dal V.I. The Defining Dictionary of Living Great Russian : 4 v. / V.I. Dal. – M. : Russkij yazyk, 1978-1980.

9. Dibrova Y.I. The Variation of Phraseological Units in Modern Russian Language / Y.I. Dibrova. – Rostov-on-Don : The Publishing House of Rostov-on-Don University, 1979. – 192 p.
10. Zhukov V.P. The School Phraseological Dictionary of Russian Language / V.P. Zhukov. – M. : Prosveshcheniye, 1980. – 429 p.
11. Zimin V.I. The Proverbs and Sayings of Russian People / V.I. Zimin, A.S. Spirin. – M. : Syuita, 1996. – 543 p.
12. Zyubina I.A. The Transformation as One of the Creation Means of the Expressive Newspapers Head-lines / I.A. Zyubina // The Language Units : a Functional and Communicative Aspect : the materials of intercollegiate conferention. – Rostov-on-Don : The Publishing House of Rostov-on-Don University, 2002. – Part 2. – P. 203-206.
13. Ivchenko A.A. Up in the Air / A.A. Ivchenko // Russian Speech. – 1987. – № 3. – P. 143-145.
14. Kirsanova A. The Definig Dictionary of Winged Words and Expressions / A. Kirsanova. – M. : Martin, 2004. – 448 p.
15. Kostyuchuk L.Y. Processes of the Becoming and Functioning of fixed word-combinations in Pskov Monuments of the Written Language and People Subdialects / L.Y. Kostyuchuk : doctoral dissertation on philology. – Pskov, 1983. – 369 p.
16. Krivenko B.V. Phraseology and Newspapers Speech / B.V. Krivenko // Russian Speech. – 1998. – № 3. – P. 44-49.
17. Levin Y.I. The Commentary on the Poem «Moskow – Petushki» by Venedict Yeropheyev / Y.I. Levin // Materialien zur Russischen Kultur. – Graz : Verlag von Heinrich Pfaydl, 1996. – Band 2. – 95 p.
18. Maruzo Zh. The Dictionary of Linguistic Terms / Zh. Maruzo. – M. : The Publishing House of Foreign Literature, 1960. – 435 p.
19. Mokienko V.M. Images of Russian Speech : Historic, etymological and ethnolinguistic descriptions on phraseology / V.M. Mokienko. – L. : The Publishing House of Leningrad University, 1986. – 277 p.
20. Mokienko V.M. The Dictionary of Russian Language Comparisons / V.M. Mokienko. – SPb. : Norint, 2003. – 608 art.
21. Royzenzon L.I. About Phraseological Contamination in Russian Language / L.I. Royzenzon, I.V. Abramets // Russian Language at School. – 1969. – № 3. – P. 104-107.
22. Solganik G.Y. The Definig Dictionary : the Language of Newspaper, Radio, TV / G.Y. Solganik. – M. : AST : Astrel, 2000. – 752 p.
23. The Phraseological Dictionary of Russian / [ed. by A.I. Molotkov]. – M. : Sovetskaya encyclopedia, 1967. – 543 p.
24. Chepasova A.M. The Formation of Phraseological Units : Dynamic Processes in Phraseology / A.M. Chepasova // The Chelyabinsk Phraseological School : the Scientific History Description. – Chelyabinsk : The Publishing House of Chelyabinsk State Pedagogical University, 2002. – P. 209-219.

УДК 808.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Ревякина Т.Л.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, prof. Revyakina T. L.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.Л. Ревякина

ЦИТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассматривается вопрос об изменении семантики языковых единиц в интертексте, который понимается как особое семантическое пространство, образующееся в процессе цитации прецедентных текстов.

T.L. Revyakina

QUOTATION IN FICTION

The article sites the change of lexical semantic in the intertext, which is understood as special semantic "space" forming in the process of quotation of example texts.

Начало XXI века характеризуется в лингвистике интенсивным развитием новых направлений в изучении языка на самых различных уровнях. Научные разработки последних лет позволили к изучению художественного текста, являющегося специфическим репрезентантом художественной картины мира, осуществить комплексный подход, сопрягающий в себе достижения теории и эстетики текста, лексикологии, лингвокультурологии, прагматики, герменевтики, феноменологии, а также данные истории, психологии, этнологии.

Несмотря на пристальное внимание к данной проблеме, остаётся ещё не достаточно изученным вопрос описания индивидуально-авторской картины мира, которая представляет собой сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты. При этом интерес исследователей к исследованию художественного произведения как особым образом организованной системы проявляется в выявлении и изучении смысловой стороны художественного текста с учетом его связей в пространстве мировой художественной культуры, что обуславливает значимость для современной лингвоэтики рассмотрения вопросов интертекстуальности и интертекста.

Каждый художественный (поэтический) текст представляет собой эстетически организованную целостную систему. Структурность является внутренним свойством этой системы, служащим для осуществления связей между ее элементами. При изучении смысловой стороны художественного (поэтического) текста в настоящее время многими исследователями правомерно используется понятие “семантическое пространство художественного текста”, рассматриваемое как сложная структура, которая складывается не только благодаря внутренним семантическим связям отдельных языковых единиц, но и внешним связям данного художественного текста, в том числе в пространстве мировой культуры.

В современной научной литературе для общего наименования отсылок к прецедентным текстам нередко используется понятие “цитация”. “Конкретная цитата, реминисценция, аллюзия – это частный случай цитации, ... симптом чужих смысловых языков, кодов и дискурсов, которые как бы в свернутом виде заключены в данном произведении и, будучи развернуты, позволяют реконструировать эти коды и дискурсы” (Косиков, 2000:36). При этом интертекст понимается не как собрание цитат из различных авторов, но как пространство соединения всевозможных цитаций.

В поэтическом тексте разные виды цитации играют двоякую роль. С одной стороны, вступая в семантические отношения со всеми элементами текста, подчиняясь авторскому замыслу, цитация становится частью этого текста, а с другой стороны, цитация актуализирует “чужие” тексты.

Как отмечают современные исследователи, в широком смысле цитация предполагает использование “чужого слова” в авторском тексте. При этом наиболее типичный вид цитаты –

это прямая речь. Второй вид цитаты используется при передаче незначительных по объему фрагментов чужого текста. В этом случае инотекстовый элемент может как заключаться в кавычки, так и просто опознаваться за счет явной чужеродности. Третий вид цитации – текстовые реминисценции – объединяет неявные речевые отсылки к прецедентным аналогам и зачастую принимает преобразованный вид, наиболее выразительно апеллируя к уже известному в культурно-языковом опыте коммуникантов. “Цитацию в современной русской речи отличают обращение к самому широкому кругу источников (от классических и традиционных до рекламных и низкопробных), а также переосмысление нового текста на фоне известного прецедентного аналога” (Ломов, Топильская, 2003:89).

С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О.Э.Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции. В современном мандельштамоведении прочно укрепилась мысль о том, что преобразования поэтической речи, свойственные представителям “серебряного века” русской культуры, привели О.Э.Мандельштама к созданию поэзии, которую исследователи называют “семантической”. Целью “семантической поэтики” является создание новых уникальных смыслов текста. Указанные особенности в полной мере проявились в стихах О.Э.Мандельштама, созданных в начале 30-х гг. XX века. Стихотворения названного периода творчества при жизни автора почти не печатались. Как отмечается в специальных литературоведческих работах, разрыв поэта с официальной культурой становился все более очевидным. Но, не принимая официальную советскую культуру, О.Э.Мандельштам обращает-

ся к мировой культуре: “Мандельштам в это время поэт непечатающийся, он пишет только для себя, ощущает себя наедине с языком, а не с собеседником... Надиктованные им строфы размножаются метафорическими ассоциациями... (2, 243). Следовательно, поэтические тексты начала 30-х гг. особо значимы с точки зрения выявления межтекстовых связей произведений О.Э.Мандельштама, а также интертекстуальности его стиля в целом.

Так, интертекстуальные связи, влияющие на формирование смыслового содержания поэтического произведения, обнаруживаются в стихотворении “Я скажу тебе с последней прямой...”, написанном в 1931 г.:

... Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота...,
Ой ли так ли, дуй ли, вей ли,
– Все равно;
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино.
Греки сбондили Елену
По волнам,

Ну, а мне – соленой пеной
По губам.
Я скажу тебе с последней
Прямой:
Все лишь бредни – шерри-
бренди, –
Ангел мой.
По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета...

(4, 170-171)

Данное стихотворение содержит реминисценцию из одной из “маленьких трагедий” А.С.Пушкина – “Пир во время чумы”: Было время, процветала / В мире наша сторона / В воскресение бывала / Церковь Божия полна... / Ныне

церковь опустела / Школа глухо заперта / Нива праздно перезрела... / Тихо все. Одно кладбище / Не пустеет, не молчит (5, 286).

На наличие интертекстуальных связей стихотворения О.Э.Мандельштама с произведением А.С.Пушкина указывают, прежде всего, имя Мэри, а также формируемый лексическими единицами “пей”, “коктейли”, “дуй”, “вино”, “шерри-бренди” и фольклорно-песенной строкой “Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли” художественный образ “пир”, соотносящийся с образным строем и названием “маленькой трагедии” А.С.Пушкина “Пир во время чумы”.

В результате межтекстовых связей рассматриваемого стихотворения формируется многоплановое семантическое пространство, в котором важную роль играют лексические образы “пустота” и “срамота”, антонимичные художественному образу “пир”.

В стихотворении О.Э.Мандельштама “Я скажу тебе с последней прямой...”, как и в произведении А.С.Пушкина возникают и противопоставляются два смысловых плана, которые можно охарактеризовать как благополучие в прошлом (репрезентируется глаголами “процветала”, “сияла”, существительным “красота”) и неблагополучие в настоящем (репрезентируется глаголами “опустела”, “зияла”, существительными “срамота”, “нищета”, “кладбище”). На грамматическом уровне названное противопоставление поддерживается употреблением глаголов в прошедшем времени для выражения первого смыслового плана (“сияла”, “зияла”, “сбондили”; ср. у А.С.Пушкина: “было”, “процветала”, “бывала”, “опустела”, “перезрела”) и употреблением глаголов в настоящем и будущем времени для выражения второго смыслового плана (“помажет”, “покажет”; ср. у А.С.Пушкина: “стоит”,

“не молчит”, “не пустеет”, “носят”, “просят”).

Реминисценция из текста А.С.Пушкина и содержащиеся в нем образы пустоты и смерти являются принципиально важными для формирования метаобраза *неблагополучие в настоящем*: советскую действительность 30-х г.г. Мандельштам воспринимает как чуму – бессмысленное гибельное существование, полное мрака.

Подобное ощущение усиливается еще одной отсылкой. Мифологема Елена, словесные образы “эллины”, “греки”, “красота” репрезентируют известный сюжет из греческой мифологии. В период творчества конца 10-х – начала 20-х г.г., после возникновения литературного течения “акмеизм”, обращение к античной культуре для О.Э.Мандельштама являлось основой его поэтики (см. книгу стихов “Tristia”, статьи “Скрябин и христианство” (1915), “Слово и культура” (1921), “О природе слова” (1921). Следовательно, аллюзивная отсылка к античной культуре в рассматриваемом стихотворении играет важную роль для формирования метаобраза *благополучие в прошлом*.

Смысловое наполнение и образный строй стихотворения “Фаэтонщик”, написанном в том же 1931 г. также формируется благодаря межтекстовым связям названного стихотворения с “Пиром во время чумы” А.С.Пушкина:

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали –
Было страшно, как во сне.
Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм...
Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил – черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!..

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума. (4, 183)

Известно, что в основе создания “Фаэтонщика” лежат реальные события в Нагорном Карабахе. Ср. фрагмент из воспоминаний Н.Я.Мандельштам: “На рассвете мы въехали в Шушу. Город начинался с бесконечного кладбища... в этом городе, когда-то, очевидно, богатом и благоустроенном, картина катастрофы и резни была до ужаса наглядной. Мы прошли по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей. Дома из знаменитого розового туфа, двухэтажные. Все перегородки сломаны, и сквозь эти остовы всюду сквозит синее небо... Мы решили ехать в Степанакерт... Добраться туда можно было только на извозчике. Вот и попался нам безносый извозчик, единственный на стоянке, с кожаной нашлепкой, закрывавшей нос и часть лица” (4, 518).

Семантическое пространство интертекста анализируемого стихотворения формируется образами-интерферентами *пир* (словесные реализации: “пировали”, “веселя” – у О.Э.Мандельштама, “пир”, “выпить”, “песни”, “веселье” и др. – у А.С.Пушкина); *фаэтон*, *телега* (у О.Э.Мандельштама фаэтоном управляет араб, у А.С.Пушкина телегой управляет негр); *фаэтонщик*; *председатель*; *чумный председатель*; *земля* (словесные реализации: “кисло-сладкая”, “Нагорный Карабах”, “Шуша” – у О.Э.Мандельштама, “родная”, “селень” – у А.С.Пушкина); *смерть* (словесные реализации: “смерть”, “мертвые”, “похоронен” – у О.Э.Мандельштама, “гроб”, “кладби-

ще”, “мертвые”, “могилы”, “прах” – у А.С.Пушкина); *страх* (словесные реализации: “страшно”, “ужасные”, “страхи” – у О.Э.Мандельштама, “испуганное”, “страх”, “ужасный” – у Пушкина), *чума* (чума – острозаразная эпидемическая болезнь; перен: пир во время чумы – веселье во время общественно-го бедствия. Указанные образы-интерференты репрезентируют метаобраз *время начала 30-х гг.*, который под влиянием прецедентного текста приобретает значение *пир во время чумы*, то есть *бессмысленное гибельное существование, полное мрака*. (Ср. употребление лексического образа “зачумленная зима” в стихотворении “Кассандре” (1917): Но, если эта жизнь – необходимость бреда / И корабельный лес – высокие дома, – / Я полюбил тебя, безрукая победа / И зачумленная зима).

Анализируемое стихотворение передает восприятие О.Э.Мандельштамом времени 20-х – 30-х годов XX века (когда обыски, аресты, ссылки, казни, массовое уничтожение людей были обычным событием) как чумы, поразившей всех. В обычной жизни все делали вид, что ничего не замечают – ходили в кино, рестораны, посещали шуточные спектакли, участвовали в многолюдных демонстрациях трудящихся, смотрели парады физкультурников, то есть пировали во время чумы. А правил пиром “чумный председатель” – Сталин.

По мнению некоторых исследователей, в рассматриваемом стихотворении зашифровано имя Сталина: “...аллитерация на “ч” связывает лексему “чума” с лексемой “черт”, а последняя, в свою очередь, через значимую рифму соотносится с лексемой

“мертвый”, (а значит, и с лексемой “смерть”). Кроме того, аллитерация на “с” и инструментовка на “ш” с искусственным звуковым переплетением указывает на того, кто имеется в виду под “фаэтонщиком”: а именно – на “Сталина-Джугашвили” (1, 422).

У стихотворения “Фаэтонщик” существует еще один прецедентный текст – стихотворение “Бесы” А.С.Пушкина:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь темна.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Сколько их! куда их гонят?
Средь неведомых равнин!..
Страшно, страшно поневоле
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?..

(5, 443)

Указанные стихотворения О.Э.Мандельштама и А.С.Пушкина эквивалентны (написаны 4-стопным хореем). Интертекст создается лексическими образами “фаэтонщик”, “ямщик”, “кружиться”, “вертелась”, “закружился”, “сбились”, “кружит”, “страшно”, “небо”, “черт”, “бесы”, “тьма”, “мутный”, “темный”. Но в смысловом плане названные стихотворения отличаются. В “Бесах” семантическое пространство изображается как нереальное, скорее сказочное. У читателя создается впечатление, что как

только метель утихнет, а ямщик найдет дорогу, то бесы исчезнут, а вместе с ними и страх. В “Фаэтонщике” трагическая реальность передается как осязаемая и постоянная, она не исчезнет с наступлением нового дня. В целом, смысловое наполнение стихотворения “Фаэтонщик” формируется посредством межтекстового взаимодействия с

одной из “маленьких трагедий” А.С.Пушкина – “Пир во время чумы”.

Таким образом, анализ указанных стихотворений является яркой иллюстрацией утверждения, что цитирование прецедентных текстов формирует семантику художественного произведения в целом.

Библиографический список

1. Буркхарт Д. Автор, лирический субъект и текст у Осипа Мандельштама / Д. Буркхарт // Автор и текст: Сборник статей. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. – С. 408-428.
2. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики / М.Л.Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
3. Ломов А.М., Топильская Е.Е. Цитация как путь реминисцирования в русской речи / А.М.Ломов, Е.Е.Топильская // Русский язык и его место в современной мировой культуре: Материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 288 с.
4. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – 638 с.
5. Пушкин А.С. Золотой том: Собрание сочинений / А.С.Пушкин. – М.: Издательский дом “Имидж”, 1993. – 975 с.

References

1. Bourkhardt D. Author, lyrical subject and text in Osip Mandelstam's verse // Author and text. – St.-Petersburg, 1996. – P. 408-428.
2. Gasparov M. L. On Russian poetry: analysis, interpretation, characteristics. – St.-Petersburg, 2001. – 480 p.
3. Lomov A.M., Topilskaya E.E. Quotation as a way of recollection in Russian speech // Russian language and its place in modern world culture. – Voronezh, 2003. – 288 p.
4. Mandelstam O.E. Works in 2 vol. – Moscow, 1990. – 638 p.
5. Pushkin A.S. Golden volume: Collected works. – Moscow, 1993. – 975 p.

УДК 82.08

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Безатосная О.М.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer Bezatosnaya O.M.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

О.М. Безатосная

ГЛАГОЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ СВЕТА

В статье анализируется особенность глагольной концептуализации идеи света в произведениях Б.К. Зайцева. Автор приходит к выводу, что глагольной световой лексикой Зайцев обозначает не только процессы, связанные с излучением световой энергии, но и различные состояния человека, его внутренние качества и ментальную деятельность.

О.М. Bezatosnaya

VERBAL CONCEPTUALIZATION OF THE IDEA OF LIGHT

The article concerns the peculiarities of verbal conceptualization of the idea of light in B.K. Zaitsev's prose. The author concludes that by "light" verbs Zaitsev means not only the processes connected with radiation of light energy but also different human moods, features of human characters and mental activity

Особенность глагольной концептуализации идеи света заключается в том, что глагольной световой лексикой обозначаются не только процессы, связанные с излучением световой энергии, но и различные состояния человека, его достоинства, ментальная деятельность и т.д. Глагольная световая лексика очень убедительно отражает эту особенность восприятия мира русским человеком: «внешний мир» – мир артефактов и природной стихии, и «мир людей»: их эмоции, чувства, мысли, отношения с другими людьми и т.д.

Именно человек видит свет во всей гамме его проявлений и может оценить интенсивность и характер излучения и в одном случае говорит *Солнце светит*, а в другом – *Солнце сверкает / сияет / слепит* и именно человек устанавливает некую норму проявления света как достаточную (*осветить*) или высокую (*осиять*), а также фиксирует постепенные переходы от света к тьме (*гаснуть, угасать, тухнуть, меркнуть, темнеть*).

Другим участником ситуации всегда является свет.

Для русского языка совершенно обычны выражения типа *свет светится; свет сияет; отблески блестят; светить(ся) серебристым светом* и под. Именно такая лексика, где происходит подобное совмещение, составляет ядро ЛСГ русских глагольных СО: *светить(ся), лучиться, искриться, сиять, сверкать, блестеть, озарить–озарять, темнеть, мрачнеть* и др.

Подобное дублирование показывает, насколько важным оказывается для русского человека обозначение присутствия света, ведь повторение всегда свидетельствует не только об интенсивности выражаемого признака, но и о его значимости.

Свет в естественной природе в рассказах Б.К.Зайцева связан с образами небесных светил: солнца, луны(месяца), звезд. Солнце, луна и месяц часто приобретают облик живых существ, ср.: *в бледных облаках стояло солнце. Солнце садилось. Солнце совсем приветливо выглянуло из-за облаков. Звало на улицу неяркое солнце, туманно млевшее в испарениях. В небе сквозь туманные облака недвижно бежало страшное в безмерной своей дали солнце, солнце точно бы иного мира.*

В передаче характера движения небесных светил часто используется метафора воды: *Лунный свет ложится на подоконник и обливает мне голову. Сверху светили звезды, а внизу растекались по переулкам золотые огоньки. Потoki света заливают его. Где-то сквозь облака слегка сочится солнце, не солнце, а бледный намек на него.*

В рассказах Б.К.Зайцева свет солнца, луны/месяца и звезд воспри-

нимается по-разному, что характерно для русской картины мира: свет луны и звезд часто ассоциируется с магией, обычно видится как неяркий, мерцающий и холодный свет, что подчеркивается употреблением прилагательных «холодных» тонов (голубой, зеленый, серебряный): *...увидел Вегу. Она мерцала нежно и таинственно. Голубоватый свет ее успокаивал. Голубоватый лунный свет ложился на подоконники и обливал мне голову.* При описании же света солнца обычно используются яркие краски, золотистые оттенки: *Закат пылал огненно-золотистым заревом. Солнце к вечеру и небо по-прежнему были золотисты и прозрачны.*

Наиболее устойчива в рассказах Б.К.Зайцева связь между концептами света и зрения. Именно поэтому небесные светила чаще всего ассоциируются у него с глазами. Сравнения небесных светил с глазами и наоборот – распространенный способ метафоризации в русской поэзии и прозе. Однако важнее оказывается даже не сама эта метафора, а ее жизнь, то есть то движение глаз, которое описывается с помощью русских глаголов-СО: Вечер был тих и нежен. И когда позже, в сумраке сиреневом, *заслезилась* первая звезда, мигнула, точно улыбнулась нам из бесконечности своей, странное волнение овладело мною... в голубоватой мгле *блеснули светящиеся глаза.* Его глаза были слегка влажны, *блестели.* Ее глаза темно *сверкали.* Вернулся он тихий и молчаливый, глаза его *погасли.* Глаза его *горели.*

В описании света небесных тел участвует глагольная лексика, обозначающая наличие или отсутствие светового признака: светить, гореть, бле-

стеть, сверкать, сиять; мреть, бить, бежать, вонзаться.

Глаголами-СО также обозначаются изменения внешности человека, сигнализирующие о внутренних переживаниях.

Это может быть свет духовный, внутренний: Вся она *светилась* каким-то внутренним светом. Аркадий Иванович *зажигал* удивительным светом косые полосы из оконца, благодаря ему пылинки, вplyвавшие из разных закоулков, переливались поражающе радугой. ; это могут быть сильные по накалу чувства, которые передаются «огненными образами»: Ретизанов

вспыхнул. На Рождество старуха на углу, *сияя* в снегу, клонится поклоном.

Свет «испускают» те предметы, которые на самом деле не являются источником света (земля, листья, снег, водная гладь, кресты, купола храмов и т.д.). Они «светятся», «блещут» отраженным светом, получая его от естественных источников (солнца, луны, звезд, свечей и т.д.). Сам же свет солнца, луны, свечи является причиной их «свечения»: Зеленый тополь *отблескивает* листиками. В тихой, чуть туманной ночи они видели, как *сияли* кресты. *Золотисто переливает* купол Христа Спасителя. Над переулками дымно *сияло* небо Москвы.

Библиографический список

1. Зайцев Б.К. Белый свет. – М., 1990.
2. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М., 1999.

References

1. Zaitsev B.K. Broad daylight. – Moscow, 1990.
2. Aikhenvald J. The silhouettes of Russian writers. – Moscow, 1999.

УДК 801.3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук Воронова Т.А.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer,
candidate of philological sciences, Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

ОБРАЗ МОЦАРТА В ЛИРИКЕ А.А. ТАРКОВСКОГО

В статье говорится о символической нагрузке, которую в поэзии А.А. Тарковского несет имя великого австрийского композитора.

T.A. Voronova

THE IMAGE OF MOZART IN A. TARKOVSKY'S POETRY

The article sites the symbolic meanings borne by the name of the great Austrian composer in A. Tarkovsky's poetic texts.

О «многонаселенности» поэзии Арсения Тарковского героями мировой литературы и знаковыми фигурами мировой истории и культуры говорили многие исследователи творчества поэта. Особое место в этом списке занимает имя великого австрийского композитора Моцарта (в стихотворениях «Предупреждение», «Снежная ночь в Вене», «Утро в Вене»). Оно появляется в строках Тарковского не однажды; можно с определенной долей уверенности утверждать, что оно приобретает определенную символическую нагрузку.

Однако образ знаменитого композитора состоит у Тарковского из двух «слагаемых»: Моцарт как реальное лицо и как персонаж «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Так, стихотворение «Снежная ночь в Вене» строится на реминисценциях из пушкинского текста, но имя убийцы Моцарта не встречается в тексте ни разу: вся тяжесть преступления возлагается на умершую возлюбленную Сальери, подарившую ему яд перед своей смертью. «Закадровый» эпизодический персонаж, Изора у Тарковского оказывается главной и сознательной виновницей смерти Моцарта; не случайно ее имя встречается в стихотворении трижды. Сравним два текста.

У Пушкина:

Вот яд, последний дар моей
Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с
собой... <...>
Теперь – пора! заветный дар

любови,
 Переходи сегодня в чашу
 дружбы.

У Тарковского:

Ты безумна, Изора, безумна
 и зла,
 Ты кому подарила свой
 перстень с отравой
 И за дверью трактирной
 тихонько ждала:
 Моцарт, пей, не тужи, смерть
 в союзе со славой.
 Ах, Изора, глаза у тебя
 хороши
 И черней твоей черной и горькой
 души.
 Смерть позорна, как страсть.
 Подожди, уже скоро,
 Ничего, он сейчас задохнется,
 Изора.
 Так лети же, снегов не касаясь
 стопой...

Далее образ Изоры сливается с изображением разыгравшейся вьюги, воплощает собой разгул стихии и, наконец, превращается в олицетворение «судьбы-смерти» [Джанджанова 1974, с. 7]. В результате финал стихотворения смыкается с его названием. Имя Моцарта помещено в лексическое поле, в котором соседствуют «смерть», «страсть» и «слава»; он умирает так, как положено художнику, хотя его гибель – результат действия «злой и безумной» силы.

В стихотворении «Предупреждение» – своеобразном печальном пророчестве о будущем человечества – технический прогресс противопоставляется автором «культурному ряду», на который им возлагается слабая историческая надежда. Имя Моцарта вписано в этот ряд наряду с деятелями культуры и науки эпохи Возрождения:

...А мы уже в горле у мира стоим

И бомбою мстим водородной
 Еще не рожденным потомкам
 своим
 За собственный грех первородный.
 Ну что ж, флорентийские башни
 смахнем,
 Развеем число Галилея
 И Моцарта флейту продуем огнем,
 От первого тлена хмелея.

Очевидно, существительное «флейта» – намек на «Волшебную флейту», одну из опер В.-А. Моцарта. Однако в другом поэтическом тексте – «Утро в Вене» – «флейта» превращается в «свирель» и становится неким универсальным «инструментом», при помощи которого Моцарт может действовать в мире и воздействовать на мир:

Где ветер бросает ножи
 В стекло министерств и музеев,
 С насмешливым свистом стрижи
 Стригут комаров-ротозеев.
 Оттуда на город забот,
 Работ и вечерней зевоты,
 На роботов Моцарт ведет
 Свои насекомые ноты.
 Живи, дорогая свирель!
 Под праздник мы пол натирали,
 И в окна посыпался хмель –
 На каждого по сто спиралей.
 И если уж смысла искать
 В таком суматошном концерте,
 То молодость, правду сказать,
 Под старость опаснее смерти.

«Отправная точка» всего стихотворного текста – некое место, откуда «ветер бросает ножи» и доносится «насмешливый свист» стрижей. Моцарт идет «оттуда». В этих непрямых обозначениях без труда прочитывается: Моцарт идет с неба, причем не просто как посланник, а как предводитель войска. Перед нами уже не композитор с реальной биографией

(несмотря на употребленный в заглавии топоним «Вена»), не пушкинский герой, а Музыкант и Художник как таковой, с заглавной буквы.

В ряд «антагонистов» Моцарта входят «министерства», «музеи», «роботы», «заботы», «работа и вечерняя зевота» и, наконец, «старость». Можно предположить, что «министерства» и «музеи» противопоставлены «небу» именно потому, что символизируют для автора некое закрытое пространство (находящееся к тому же под «стеклом», куда не проникает открытый воздух), где отсутствует движение и перемена (в особенности это следует отнести к «музеям»). Если же искать общие компоненты значения у существительных данного ряда, то почти в каждом из них окажется смысловой элемент «упорядоченность»: движения роботов, размещение экспонатов в музее, распорядок работы в министерстве, ежедневный буднично-цикл – дневной труд и вечерняя усталость. Но в этой механической будничности для Тарковского отсутствует жизнь. Не случайно ряд замыкается «старостью», то есть временем приближения к смерти.

Всему этому противопоставлен Моцарт и его лексическое «поле»: «утро» (в заглавии), «свирель», «насекомые ноты», императив «живи», «праздник», «хмель», «суматоха» («суматошный»), «молодость» и «опасность» («опаснее смерти»). Музыкант и художник выступает как посланник не столько неба, сколько жизни.

Главное орудие музыканта и художника – «свирель» и «ноты». Оба этих образа объединены общим смыслом «хрупкость», «беззащитность». Свирель – инструмент пастушеский (не случайно ей противостоит именно «город»), его звучание лишено торжественности и отличается нежностью. Кроме того, выбранное автором слово может вызвать у читателя ассоциации с «естественной», «природной» жизнью.

Эпитет, относящийся к самой музыке Моцарта («нотам»), следует рассмотреть более внимательно. Поэт осуществляет десубстантивацию существительного «насекомое», превращая его в прилагательное, но данное лексическое новообразование не теряет связи с производящим словом, прежде всего смысловой. Ноты Моцарта малы и беспомощны, как насекомые («комары-ротозеи» в первой строфе) – или, во всяком случае, кажутся таковыми. Но уже в следующей строке («Живи, дорогая свирель!») поэт выражает веру в то, что именно они выиграют в этом своеобразном поединке.

Приход Моцарта и его музыки, то есть самой жизни, не случайно происходит «под праздник»: он сам оказывается праздником. «Хмель» в данном фрагменте можно трактовать и как символ веселья и опьянения (отголосок выражения «хмель ударил в голову»), и опять же как знак праздника, торжества (известен обычай некоторых древних народов украшать себя в дни празднеств венками из хмеля). Кроме того, по одной из славянских традиций, хмелем обсыпали на свадьбах молодую пару (обычай, нашедший отражение, в частности, в пьесе А.С. Пушкина «Русалка»). Таким образом, замыкающее «моцартианский» ряд существительное «молодость» является вполне логичным завершением развития описанного нами образа-символа и вновь возвращает к названию поэтического текста: «молодость» = «утро».

Заметим, что праздник, который несет с собой Моцарт (персонификация молодости и жизни), прерывает монотонную работу («Под праздник мы пол натирали»), врывается в будничную упорядоченность, превращает ее в «суматошный концерт». Это та стихия, которую невозможно контро-

ликовать или прогнозировать; именно поэтому поэт выбирает для нее эпитет «опасная». Жизнь, молодость, творчество «опаснее смерти» благодаря своей непредсказуемости и свободе. «Старость» естественным образом продолжается «смертью». «Моцартианская» стихия способна этот ход разрушить.

Таким образом, Моцарт у Тарковского – не просто обобщенный образ художника и его судьбы в мире. Это имя символизирует не только искусство, но и жизнь в ее лучшей ипостаси.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 7: Драматические произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 395 с.
2. Джанджанова Е.В. Семантика слова в поэтической речи. (Анализ словоупотребления А.Тарковского и А.Вознесенского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. – 24 с.
3. Воронова Т.А. Словарь лирики А.А.Тарковского. Часть 2 (К – Ощущенье). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. – 292 с.
4. Воронова Т.А. Переосмысление сюжетов русской и мировой литературы в поэзии Арсения Тарковского // Актуальные проблемы культурологии и педагогики. – СПб., 2011. – С. 105 – 108.

References

1. Pushkin A.S. Collected works in 17 vol. Vol. 7: Plays. – Moscow, 1948. – 395 p.
2. Janjanova E.V. Semantic of the word in poetic texts. – Moscow, 1974. – 24 p.
3. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part 2. – Voronezh, 2007. – 292 p.
4. Voronova T.A. Re-understanding of the plots of Russian and world literature in Arseny Tarkovsky's verse // Actual problems of culture studies and teaching. – St.-Petersburg, 2011. – P. 105 – 108.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 378.147 (802)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*
Канд. педагог. наук, доц. кафедры иностранных языков Кочнева М.Г. *The chair of foreign languages, candidate of ped.science, associate prof. Kochneva M.G.*
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)76-39-73 *Russia, Voronezh, tel.+7(4732)76-39-73*

М.Г. Кочнева

О РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Обосновывается необходимость учета психологических и методических принципов при обучении студентов неязыковых вузов иностранному языку. Особое внимание уделяется мотивационным факторам в обучении, развитию у студентов интереса к изучению иностранного языка. Рассматривается ряд важных методических принципов, учитывающих специфику технического вуза.

M.G. Kochneva

ON THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES IN PROGRESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN TECHNICAL UNIVERSITIES

The necessity of considering psychological and methodological principles in teaching students a foreign language is substantiated. Special attention is given to the motivation factors in teaching and to developing students' interest to learn a foreign language. Some important methodological principles considering a specific character of technical higher institutions are discussed.

В технических вузах студенты изучают много различных предметов, которые имеют далеко не одинаковое отношение к их будущей специальности. Одни предметы служат первичной ступенькой к будущей специальности,

другие относятся к циклу общеобразовательных дисциплин, в результате изучения которых формируется специалист-интеллигент вообще, третьи знакомят студентов со всеми аспектами их узкой специальности. Среди такого множества “профилирующих”, “общеобразовательных”, и “специальных” учебных дисциплин предмет “иностранного языка” занимает особое место.

Своеобразие данного предмета заключается в том, что в ходе его изучения студенты приобретают не знания основ науки, а формируют умения и навыки пользоваться чужим языком как средством общения, средством получения новой полезной информации. С психологической точки зрения предмет изучения – “иностранный язык” – представляет собой явление, теснейшим образом связанное с м ы с л и т е л ь - н о й деятельностью человека [1]. Если при изучении общеобразовательных и специальных дисциплин обучаемые воспринимают данные, которые существуют вне и независимо от человеческого сознания и механизм их мышления в своей сущности не изменяется, то при изучении иностранного языка происходит видоизменение мышления, так как преподаватель добивается от обучаемых м ы ш л е н и я н а и з у ч а е м о м языке, поскольку владение иностранным языком предполагает неразрывное единство и непосредственную связь его с мышлением.

Следует отметить, что специфика иностранного языка как предмета обучения и его место в системе дисциплин неязыковых вузов обуславливает необходимость мотивационных факторов в обучении.

В технических вузах, где иностранный язык выступает как непрофилирующая дисциплина, фактор мотивации, т.е. системы мотивов, побуждающих изучать язык, имеет огромное значение. Мотив (от латинского слова *moveo* – двигаю) – это то, что побуждает человека к осуществлению тех или иных действий или к началу сложной деятельности в течение длительного времени [2].

Проблема мотивации в обучении иностранным языкам в последнее время становится все чаще предметом

дискуссий, теоретических и экспериментальных исследований, публикуемых на страницах методико-педагогических журналов. Успешность обучения зависит от многих факторов, и среди них особую роль играет общее отношение к предмету обучения и ситуативное развитие положительных мотивов. В целях лучшего управления учебной деятельностью преподаватель иностранного языка стремятся формировать у обучаемых сильные мотивы, побуждающие к целенаправленной активной деятельности, а также создать учебные ситуации, обеспечивающие состояние заинтересованности, увлеченности, стимулирующие интеллектуальную активность.

В общей системе мотивации следует выделить прежде всего о с н о в - н о й мотив. Им может быть стремление к познанию, к получению квалификации, к целенаправленному усвоению знаний и умений, к выполнению требований вуза. Во время самой учебной деятельности действуют ч а с т н ы е мотивы, возникающие в процессе этой деятельности, руководящие постановкой и решением задач и достижением конкретных целей. Основной мотив определяет формирование отношения к обучению, он направляет деятельность по осуществлению главных намерений, планов. Этот основной мотив побуждает человека действовать даже вопреки его непосредственным желанием. Частные мотивы, возникающие в различных ситуациях процесса обучения, образуют целую систему. В этой системе можно выделить частные мотивы, связанные с содержанием учебной деятельности и с ее осуществлением, а также мотивы, которые определяются взаимоотношениями с окружающей средой. Если к первой группе частных мотивов относятся познавательные, то

ко второй – этические, определяемые общественными отношениями.

Формирование мотивов у первокурсника, приступающего к изучению иностранного языка в неязыковом вузе, во многом определяет качество выполнения учебной работы. В оптимальном случае студент приступает к занятиям, ощущая потребность в интеллектуальной активности и считая, что приобретаемые им знания и умения не только полезны вообще и нужны ему как будущему специалисту в избранной им области, но и представляет известную объективную ценность, т.е. он руководствуется познавательными мотивами. Но нередки случаи, когда студент подчиняется предъявляемым к нему требованиям лишь по обязанности, по внешнему принуждению, не испытывая потребности в познании, не испытывая удовлетворения от самого процесса познания. В этом случае его знания оказываются формальными. Для такого обучаемого специфика иностранного языка, как предмета, проявляется прежде всего в том, что его изучение не связано непосредственно с изучением основных предметов конкретного факультета. Прямым следствием этого положения является тот факт, что успех или отставание по иностранному языку не могут немедленно и ощутимо повлиять на успеваемость по основным предметам. Это весьма быстро оценивается некоторыми студентами, и их отношение к занятиям по иностранному языку изменяется. В результате познавательные мотивы в изучении языка уступают место побуждениям избежать неприятных последствий административного плана и отрицательного отношения со стороны окружающих, а также отрицательных эмоций на занятиях. Таким образом, происходит нежелательная перестройка мотивации. Она

может выражаться не только в утрате познавательных мотивов, но и в снижении критериев оценки своей деятельности в складывающейся ситуации. Развивается тенденция выполнять необходимое без желания овладеть новыми знаниями, без интереса, без интеллектуальной активности.

Предотвращение формирования низкой мотивации или негативной системы мотивов – серьезная задача, стоящая перед преподавателями. Поэтому вполне закономерно, что преподавательские практики стали уделять серьезное внимание вопросам психологического характера, а именно использованию в обучении закономерностей восприятия, мышления, памяти, а также способам повышения интереса обучаемых к содержанию и процессу обучения.

Следует отметить, что интерес студентов к изучению иностранного языка находится в прямой зависимости от тех знаний, которыми они уже владеют, и в то же время наличие интереса способствует наиболее успешному овладению учебным материалом. Познавательный интерес всегда направлен на новое, неизвестное, но не на всякое новое, а только на то, которое дает возможность для творческой работы обучаемого [3]. Американский методист Питер Хэгболт отмечает, что важность интереса при изучении любого предмета переоценить невозможно. Интерес – это главная движущая сила, направляющая нашу деятельность. Он вызывает желание овладеть изучаемым предметом [4]. Интерес является одной из форм активности обучаемого, а познавательные интересы – тем, что составляет побудительную силу приобретения знаний, расширения кругозора.

Для выработки интереса к изучению иностранного языка мы прибегаем к методическим принципам, которые

становятся “материальной силой, ощутимо влияющей на практику обучения иностранным языкам” [5], придав им немного новое значение, соответствующее “особому” характеру данного предмета, изучаемого в техническом вузе. В данном случае следует подчеркнуть, что в неязыковом вузе обучение иностранному языку – это весьма специфический процесс. При целевой установке – добиться практического владения иностранным языком – главное заключается не в усвоении знаний об изучаемом языке, а в формировании и дальнейшем развитии умений и навыков пользоваться иностранным языком, как средством общения в пределах тематики, ограниченной программой. Руководствуясь гипотезами, выдвинутыми М. В. Ляховицким [5], принципы обучения иностранному языку в техническом вузе мы подразделяем на 1) общие, 2) частные и 3) специальные. К общим принципам обучения относятся: 1. Принцип коммуникативной направленности. 2. Принцип учета родного языка. 3. Принцип доминирующей роли упражнений во всех видах речевой деятельности.

Рассмотрим более подробно каждый из этих принципов.

Принцип коммуникативной ориентации речевой направленности.

Данный принцип реализуется в целенаправленном формировании у студентов умений и навыков в сфере основных видов речевой деятельности. Центр тяжести всей деятельности преподавателя направлен на практическую речевую практику, в результате которой добывается новая информация в широком понимании данного термина. Поэтому каждый этап обучения иностранному языку должен быть насыщен речевыми упражнениями, которые являются решающим фактором практиче-

ского овладения иностранным языком. При этом количество подготовительных упражнений должно быть значительно меньше, чем речевых. При работе со студентами на механико-автомобильном факультете широко используются все виды речевых, ситуативно-обусловленных упражнений, положенных в основу учебных пособий, имеющих целью комплексное формирование у обучаемых практических умений и навыков в различных профессионально-ориентированных видах речевой деятельности [6,7,8].

Принцип учета особенностей родного языка.

Данный принцип реализуется в проведении сопоставлений, особенно на стадии семантизации, когда беспереводные приемы работы невозможны или же мало эффективны. Особенности родного языка должны учитываться в первую очередь и главным образом во всех учебных материалах – текстах, упражнениях, комментариях и т.д. То есть, необходимо заострять внимание обучаемых на тех языковых явлениях, включая фонетические, лексические и грамматические, которые либо отсутствуют в родном языке, либо же с ним резко расходятся как в формах, так и способах выражения. К таким явлениям относятся фонетические звуки [N],[T],[G],[C] и др., порядок слов в предложении, артикли, перфект, герундий, объектный и субъектный инфинитивные обороты и т.д. Сопоставляя эти факты студенты приходят к выводу, что одну и ту же мысль можно вполне точно выразить как на родном, так и на иностранном языке, хотя способы выражения этой мысли будут разными в связи с различным строем того или иного языка. Для примера возьмем русское предложение: “Самой надежной, хотя и несколько энергоёмкой, является

принудительная разгрузка погрузчиков”. При переводе на английский язык студент должен вспомнить об обязательном прямом порядке слов в английском языке и начать перевод с подлежащего, которое в русском предложении стоит на последнем месте и ввести ряд дополнительных слов, т.к. дословный перевод здесь невозможен, а именно: “Forced discharge is the most reliable, although it involves a greater consumption of power”. Возьмем другое предложение: “Известно, что грейдеры-элеваторы предназначаются для послойной разработки грунта”. В этом предложении при переводе следует употребить грамматическое явление, которого нет в русском языке, а именно Complex Subject – сложное подлежащее. Не зная его студенты не смогут правильно перевести это предложение. “Elevating graders are known to be intended for slice by slice cutting soil.

Знакомясь с лексикой иностранного языка, студенты осознают существенные расхождения в характере и объеме значений слов родного и иностранного языка. Так одно и то же английское слово может иметь большое количество значений, что не характерно для русского языка, где каждый термин имеет одно свое собственное значение. Продemonстрируем это на примере английского термина “beam”, который может переводиться как существительным, так и глаголом и имеет значения “балка, прогон, поперечина, траверз, луч, пучок, испускать, излучать, наводить по лучу, светить, сиять и т.д. [9]. Задача преподавателя четко разъяснить обучаемым, что каждый язык является продуктом ряда эпох, и что его развитие тесно связано с историей народа, говорящего на этом языке.

Принцип д о м и н и р у ю щ е й р о л и у п р а ж н е н и й во всех сфе-

рах овладения иностранным языком.

Программа по иностранному языку для неязыковых вузов нацеливает преподавателей и студентов на практическое овладение изучаемым языком, т.е. надо так обучить студента, чтобы он в устных формах коммуникации и при работе над иноязычным текстом извлекал новую полезную информацию. В свете этих задач реализация данного принципа приобретает особо важное значение. Какую бы учебную работу по иностранному языку не выполнял преподаватель, в центре внимания должно лежать упражнение того или иного вида, объема и продолжительности. Только правильно построенные серии упражнений делают процесс обучения целеустремленным, коммуникативным и результативным. Без упражнений обучение превращается в чисто схоластическое занятие, основное содержание которого – расшифровка языковых форм и их перевод.

К частным принципам относятся:

1. Принцип последовательности и поэтапности, который заключается в постепенном переходе от тренировочных упражнений к речевым. Реализация этого принципа нацеливает преподавателя на такую организацию учебного процесса по иностранному языку, когда изучение языковых аспектов, т.е. овладение знаниями об изучаемом языке, служит лишь первой ступенькой к овладению самой речевой практикой.

2. Принцип соответствия упражнений уровню знаний, навыков и умений студентов, что предполагает учет дидактических принципов доступности, перехода от известного к неизвестному, от легкого к трудному, от меньшей степени сложности к большей.

3. Принцип умственной активности, связанный с решением сложных

мыслительных задач при выполнении упражнений. При обучении взрослых следует учитывать их склонность к логическому анализу, часто подменяющему запоминание. Поэтому в системе упражнений основное место должны занимать упражнения, которые активизируют мыслительную деятельность студентов, способствуют активному припоминанию, выбору нужных элементов, расчленению речевых комплексов, их синтезированию и активному употреблению в речи. Повысить умственную активность студентов можно путем конкретизации речевой задачи.

4. Принцип охвата упражнением наибольшего количества студентов. Эффективность упражнений намного возрастает, если при их выполнении участвует максимальное число студентов.

5. Принцип аппроксимации иноязычной деятельности реализуется в том, что преподаватель оценивая речевую деятельность обучаемых, имеет полное право игнорировать все те незначительные ошибки в языке и речи, которые не нарушают коммуникативного акта речи, не препятствуют получению искомой информации. Как установлено экспериментальным путем, речь носителей языка совсем не свободна от различных нарушений норм языка и речи, что, однако, не препятствует достижению взаимопонимания. Поэтому предъявлять к обучающимся чужому языку слишком высокие требования – значит грешить перед рациональной методикой обучения. Правильное осуществление этого принципа создает благоприятную обстановку в аудитории, повышает речевую активность студентов, устраняет “ошибкобязь”, что приводит к необходимой раскованности [5].

6. Принцип профессиональной направленности учебного материала приобретает в неязыковом вузе все большую значимость, т.к. на его обучение отводится крайне ограниченное количество часов, несмотря на то, что конечная цель обучения преследует решение задач, связанных с будущей специальностью студента. Отсюда вытекает необходимость строгого отбора языкового материала и составления соответствующих учебных пособий по конкретным специальностям. Обучение языку специальности на ранних этапах обеспечивает повышение интереса к изучению иностранного языка и повышает практическую ценность предмета, его непосредственный вклад в подготовку специалиста высокой квалификации.

Принципы отбора учебного материала, составления учебных пособий и учебников, принцип овладения пассивной грамматикой, принцип овладения теорией перевода, принципы использования звукозаписи и т.д. относятся к специальным принципам, назначение которых – определять исходные положения для обучения иностранному языку в отдельно взятой, конкретной специальности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что создание условий для высокой мотивации, выработки интереса к изучению иностранного языка и управления активностью студентов находится в прямой зависимости от контакта преподавателя с группой и от знания характеристики самой группы, как учебного коллектива. Хороший контакт с группой обеспечивает не только возможность учета индивидуальных особенностей отдельных студентов, но и общего стиля работы группы, зависящего во многом от складывающейся “иерархии” в группе.

Библиографический список

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: “Просвещение”, 1965. – С.13.
2. Большая советская энциклопедия. М.: 1974, т. 17. – С.-171.
3. Корндорф Б.Ф. Методика преподавания английского языка. М.: Учпедгиз, 1958. - С. – 30.
4. Hagbolt Peter. Language Learning // University of Chicago Press. Chicago-Illinois, 1935. С – 52-55.
5. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков. М.:Высшая школа, 1981. С – 33-38.
6. Кочнева М.Г. “Машины и тракторы”//учебное пособие по английскому языку. Воронеж, 2004. 160 с.
7. Кочнева М.Г. Английский для инженеров-механиков //Учебное пособие по английскому языку. Воронеж, 2008. 96 с.
8. Кочнева М.Г., Крячко Л.Н. Строительство дорог//Учебное пособие по английскому языку. Воронеж, 2010. 87 с.
9. Большой англо-русский политехнический словарь в 2-х томах. М.: “Русский язык”. 1991. Т. 1. С- 94.

References

1. Belyaev B.V. Sketches on psychology of teaching foreign languages. – Mocsow, 1965. – P. 13.
2. Great soviet encyclopedia. Vol. 17. – Mocsow, 1974. – P. 171.
3. Kondorf B.F. Methodology of teaching English. – Mocsow, 1958. – P. 30.
4. Hagbolt Peter. Language Learning // University of Chicago Press. – Chicago-Illinois, 1935. – P. 52-55.
5. Lyahovitsky M.V. Methodology of teaching foreign languages. – Mocsow, 1981. – P. 33-38.
6. Kochneva M.G. Machines and tractors. – Voronezh, 2004. – 160 p.
7. Kochneva M.G. English language for mechanical engineers. – Voronezh, 2008. – 96 p.
8. Kochneva M.G., Kryachko L.N. Road building. – Voronezh, 2010. – 87 p.
9. Great English-Russian technical dictionary in 2 vol. Vol. 1. – Mocsow, 1991. – P. 94.

УДК 378.147

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет**Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Устинова Н.Н.**Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48**Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering**The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer N.N. Ustinova**Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Н.Н. Устинова

ФОРМИРОВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются возможные причины снижения общего уровня грамотности, предлагаются упражнения, способствующие тренировке памяти, внимания и, как следствие, повышению уровня орфографической зоркости студентов. Предлагаемые задания рассчитаны на русских и иностранных студентов.

N.N. Ustinova

SPELLING ATTENTIVENESS FORMING AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE

In the article possible reasons of literacy decrease are concerned and the exercises are offered which are aimed at memory and attentiveness training and spelling attentiveness increasing. The exercises can be used for Russian and foreign students as well.

Язык, будучи тесно связанным с мышлением, отражает интеллектуальное развитие человека. Точная, грамотная и выразительная речь в различных ситуациях общения, грамотное письмо, адекватное понимание чужой речи, владение разными видами чтения воспринимаются как признак воспитанности и образованности личности и в значительной мере определяют общественную и профессиональную активность человека. Одной из основных задач преподавателя русского языка является обучение грамотному письму, иными словами - формирование орфографической зоркости учащихся.

Способность видеть орфограммы - это необходимое условие для овладения орфографическими нормами, для успешного применения правил. Эту способность надо у учащихся воспитывать. Орфографической зоркостью называют умение обнаруживать звук, находящийся в слабой позиции.

Опыт моей работы не ограничивается работой в ВУЗе, я работала и в школе. Сравнение результатов письменных работ учащихся за несколько разных лет позволило обнаружить проблему снижения уровня практической грамотности. Необходимо искать новые способы и методы или совершенствовать забытые старые при которых можно достичь следующих целей:

а) остановить темпы снижения уровня грамотности,

б) направить этот нежелательный процесс в противоположную сторону.

Я думаю, что основными причинами неразвитости орфографической зоркости являются низкий уровень развития произвольности внимания, несформированность приёмов учебной деятельности (самоконтроля, умения действовать по правилу), низкий уровень объёма и распределения внимания, низкий уровень развития кратковременной памяти.

С этими проблемами и надо начинать бороться. Но как? Вот притча. Однажды по лесу шёл мудрец. Он увидел лесоруба, пилившего огромное дерево старой тупой пилой. Было ясно, что работает тот уже давно, сильно устал, а результат был невелик. «Что ты делаешь?» – спросил мудрец. « Не видишь, я работаю!» – сердито ответил лесоруб. « Если ты заточишь свой инструмент, дело пойдёт гораздо быстрее», - посоветовал мудрец. «Не мешай, мне некогда, мне работать надо», - ответил упрямый лесоруб. Часто решение поставленной проблемы напоминает эту притчу.

Одним из интересных и плодотворных путей повышения грамотности учащихся, на мой взгляд, является алгоритмизация правил, сведение ряда правил к общему алгоритму, составление таблиц обобщающего характера. Это реально помогает в решении поставленной задачи, способствует лучшему запоминанию.

Формирование у учащихся осознанных, прочных умений и навыков, связано с целым рядом факторов, в частности, с учетом специфики их памяти. Имея представление об особенностях памяти учащихся, я выбираю способы передачи материала. Использую методику «непроизвольного запоминания». Не зазубривая правил с учащимися, сразу приступаю к выполнению упражнений, не отрывая теорию от

практики, а объединяя их в единый образовательный процесс. В результате многократного проигрывания правила без заранее условленной цели заучивания происходит их непроизвольное запоминание.

На мой взгляд, неплохие возможности предоставляет Нейролингвистическое программирование. НЛП – направление в психологии, в основе которого лежит стройная система убеждений и предположений относительно масштабов человеческих возможностей, процессов коммуникации и изменений в человеке. Оно возникло в 1974 г. (с выходом в свет книг Д. Гриндера и Р. Бэндлера) как эффективная модель коммуникации.

В основу НЛП положено следующее научное представление: известны пять основных способов, с помощью которых люди воспринимают мир. Мы можем видеть, слышать, чувствовать, нюхать, пробовать на вкус. В нашем мозгу полученная органами чувств (сенсорная) информация трансформируется в некоторое представление, модель (репрезентацию). Эти индивидуальные модели в НЛП называются репрезентативными системами.

Учёные установили, что в первую очередь мир воспринимается зрительно (визуальная система восприятия – В), на слух (аудиальная система восприятия – А), в ощущениях (кинестетическая система восприятия – К). Система, которая используется чаще, чем другие, считается предпочитаемой репрезентативной системой человека. Она используется как сознательно, так и бессознательно. Демонстрируя предпочтение одной репрезентативной системы, человек тем не менее использует и другие. Ведущая репрезентативная система формирует обобщённый тип личности: визуалы, аудиалы, кинестетики.

Кроме того, исследования психологов свидетельствуют, что ведущая модель построения мира зависит от возраста. Так ученики начальной школы в основном кинестетики, учащиеся среднего звена – более аудиалы, а в старшей возрастной группе – более визуальны.

Второе научное представление, лежащее в основе НЛП, – представление о памяти как о способе хранить воспринятую информацию (и трансформированную в модель) и воспроизводить её. Данное представление связано с лево- и правополушарной памятью, а также концепцией доктора Р.Сперри о доминировании одного из полушарий у человека. [5]

В связи с этим, особенную роль на занятиях играют упражнения, направленные на развитие памяти студента. Это очень важная задача, которая стоит перед преподавателем – словесником и не только. Ведь будущему студенту (слушателю подготовительных курсов), или первокурснику, которому придётся ещё долго учиться, постигая науки, она необходима особо.

Что значит хорошая память учащегося? По мнению психолога Л. Б. Ермолаевой-Томиной, это такая память, которая обеспечивает «скорость запечатления, длительность хранения и легкость воспроизведения заучиваемого материала».[4]

В настоящее время мне приходится работать с русскими студентами инженерного профиля по предмету "Русский язык и культура речи", а также с иностранными подготовительного факультета и старших курсов. Проблема не меняется. Она остаётся и требует более пристального внимания. Труд этот кропотливый, но положительные результаты радуют. Итак, поведу речь о том, как повысить уровень практической грамотности учащихся на уроках русского языка на основе НЛП. Под

практической грамотностью мы подразумеваем прочно сформированные орфографические и пунктуационные умения и навыки в пределах программных требований, овладение учащимися нормами правописания русского литературного языка.

Рабочая гипотеза: если мы будем развивать внимание, мышление, память, то окажем существенное положительное влияние на уровень грамотности учащихся, т.к. между перечисленными психическими процессами и письмом существуют тонкие, прочные, взаимозависимые корреляционные связи.

НЛП – технология достаточно органично встраивается в процесс обучения, непосредственно в занятие. В принципе, все традиционные структурные элементы урока естественно, активно «откликаются» на использование НЛП-приёмов. Их эффективность обуславливается внешне привлекательной для учащихся формой и содержанием, развивающим и управляющим психическими процессами каждого.

Остановимся подробнее на уроках по развитию памяти. Работа по развитию начинается с диагностики, чтобы получить общую характеристику того или иного качества памяти у учащихся и выявить индивидуальные различия. Эти необычные занятия имеют определённую тему и цель, которые направляются как на развитие, так и на углубление знаний по русскому языку, на повышение грамотности учащихся. Поэтому к урокам развития подбирается такой материал, чтобы он одновременно «работал» и на русский язык. Например, упражнения по развитию зрительной и слуховой памяти составляются из тех словарных слов, которые нуждаются в повторении или контроле.

На каждом занятии предусматриваются задания для самостоятельной работы, чтобы проверить у учащихся

качество выработки того или иного приема по развитию. По окончании работы учитель собирает и проверяет выполненные работы. Результаты проверочных, контрольных работ, тестирований записываются в ученическую тетрадь, что дает студенту возможность наблюдать и контролировать качественные перемены и рост своего развития. (Для записи результатов используются последние страницы тетради).

Оценка интеллектуального развития учащегося идет не по принципу абсолюта (сравнения с каким-то стандартом или другими), а каждого учащегося сравнивают с ним самим, т. е. результаты контрольных работ сопоставляются с результатом диагностики).

Практика показала, что при направленности на развитие учебный процесс приобретает для учащегося личностный смысл. Неудаче учащегося становится ясна причина его неуспеваемости, он узнает о способах ее преодоления — это заставляет его действовать, устранять недостатки.

Для формирования этих качеств памяти следует опираться на естественные законы произвольного запоминания. Основной закон заключается в том, что легче всего запоминается яркий материал и тот, что постоянно входит в поле деятельности. Действие механизмов произвольного запоминания учитывается при формировании у учащихся и навыков произвольного запоминания: следует «уярчать» неяркое, включать запоминаемый материал во все виды работ на уроке.

В работе необходимо учитывать и индивидуальные различия в памяти, которые проявляются в следующем:

1) в преобладании одного из видов памяти (нас интересуют зрительная и слуховая), что определяет способности учащихся легче усваивать материал при той или иной форме подачи, то есть

при зрительном или слуховом восприятии;

2) в способности запоминать разные по силе раздражители («слабые» или «яркие»);

3) в скорости перехода заучиваемого материала кратковременной памяти в долговременную.

От этих особенностей зависят объем, прочность и точность запоминаемого материала, который для всех учащихся подается в одинаковой форме, а воспринимается и усваивается ими по-разному.

Знание обучающихся особенностей своей памяти поможет им не только преодолеть недостатки, но и найти индивидуальный стиль запоминания. Задача преподавателя — помочь студенту в этом поиске и стимулировать развитие его памяти. Сейчас я продемонстрирую примерные упражнения по развитию памяти, и формированию орфографической зоркости. Вот те, которые я применяю при работе со студентами на практических занятиях.

Пример упражнения: **поиск орфограмм в “чистом” тексте.**

Предлагаемые карточки позволяют преодолеть эту трудность, а также они позволяют:

-развивать орфографическую зоркость в процессе поиска слов с орфограммами;

-самостоятельно проверить результат работы;

-видеть пробелы своих знаний и корректировать свои действия;

Карточка состоит из *текста*, в котором следует выделить слова с заданной орфограммой и *ключа*. Карточка-ключ - это карточка без текста. Но с вырезанными окошками на местах, соответствующих словам с орфограммами. Они-то и обнаруживаются при наложении ключа на текст.

Для работы по формированию орфографической зоркости на втором

этапе тексты составляются так, чтобы с ними можно было работать по поводу разных орфограмм. В этом случае к одной карточке-тексту прилагается две - три проверочных карточки.

Орфографическое чтение

предполагает чтение текста побуквенно, с проговариванием орфограмм.

Комментированное письмо с указанием орфограмм.

При комментировании достигается высокий уровень самоконтроля, так как ученик не просто фиксирует, а объясняет правописание. Комментирование — это вид упражнения, включающий в себя объясняющее рассуждение в процессе записи слов, предложений. При комментировании или орфографическом разборе ученик, прежде всего, находит объект объяснения, т.е. орфограмму.

Письмо с проговариванием.

Письмо с проговариванием обеспечивает большой объем написанного, аккуратность, красивое письмо, практически полное отсутствие ошибок. Письмо с проговариванием объединяет всех, постепенно группа начинает работать в хорошем темпе. Вначале проговаривать может преподаватель, затем сильные ученики, потом в работу включаются студенты. Проговаривание – своего рода предупреждение ошибок. И если учащийся вдруг проговорил слово с ошибкой, группа и преподаватель не дадут зафиксировать эту ошибку на письме.

Зрительный диктант.

Считаю весьма эффективным средством повышения орфографической грамотности учащихся зрительный диктант, цель которого – предупреждение ошибок. На доске записывается несколько предложений или текст. Этот текст выразительно читается, затем выделяются наиболее интересные с точки зрения орфографии слова, объяс-

няется их правописание, отдельные слова проговариваются (можно провести орфографическое чтение всех предложений). Затем учащимся предлагается "сфотографировать" отдельные слова и увидеть их внутренним зрением (закрывать глаза и написать). Текст на время закрывается, и учащиеся еще раз отвечают на вопросы, проговаривают трудные слова. В случае необходимости текст открывается снова.

Диктант "Проверяю себя".

Выполняя этот диктант, учащиеся могут консультироваться с преподавателем, как пишется то или иное слово. Первое и главное достоинство диктанта "Проверяю себя" состоит в том, что учащиеся начинают нащупывать свои слабые места, учатся спрашивать и сомневаться, мы им даем возможность писать без ошибок, предупреждать их. Этот диктант позволяет писать часто и много, а ошибок делать мало или не делать вовсе: орфографический навык совершенствуется и укрепляется.

Специально организованное списывание по памятке

(можно использовать при работе с иностранными студентами):

Памятка.

1. Прочитай предложение, чтобы понять и запомнить его.

2. Повтори предложение, не глядя в текст, чтобы проверить, запомнил ли ты его.

3. Выдели орфограммы в списываемом тексте.

4. Прочитай предложение так, как оно написано.

5. Повтори, не глядя в текст, предложение так, как будешь писать.

6. Пиши, диктуя себе так, как проговорил последние два раза.

7. Проверь написанное:

а) читай то, что написал, отмечая дужками слоги;

б) подчеркни орфограммы в написанном;

в) сверь каждую орфограмму с исходным текстом.

Какографические упражнения.

В практике своей работы использую какографические упражнения, которые предусматривают исправление учащимися умышленно допущенных в текстах ошибочных написаний. Обычно подобные задания я даю для при повторении или на контрольных занятиях. Предварительно даётся установка, что в тексте есть ошибки, которые необходимо исправить. Это делается для того, чтобы внимание учащегося было направлено именно на поиск ошибок, а не на запоминание.

Эффективно для формирования орфографической грамотности **письмо наизусть**. И вновь нужно при этом виде работы применять орфографическое чтение и проговаривание. Письмо по памяти провожу по следующей схеме:

* первоначальное (орфоэпическое) чтение текста (осмысление);

* беседа по тексту (правильно ли понят текст учащимися);

* орфографическое чтение;

* заучивание текста наизусть по смысловым отрывкам;

* орфоэпическое воспроизведение всего текста;

* орфографическое проговаривание всего текста;

* письмо по памяти;

* проверка написанного по первоисточнику, исправление ошибок, объяснение орфограмм.

Диктант с постукиванием. Во время диктанта учитель постукивает по столу в тот момент, когда произносит слово с орфограммой. Это постукивание заставляет учащегося думать (то же можно рекомендовать при работе с иностранными студентами).

Ещё я использую лингвистический анализ текста, высказывание на лингвистическую тему, использование текстов художественной литературы. Это развивает способность учащихся выражаться на языке предмета, прививает любовь к художественному слову, обеспечивает связь литературы и языка.

Итак, подобные виды работ в целях повышения уровня грамотности проводятся мной на практических занятиях. Я считаю, что эта работа является весьма эффективной и в то же время берегающей здоровье, так как не происходит переутомления учащихся вследствие того, что в процессе обучения задействован не один вид памяти, а сразу несколько ее видов. Грамотность в этом случае рождается и закрепляется на подсознательном и сверхсознательном уровне, а правила ее лишь закрепляют.

Библиографический список

1. Введенская Л.А., Червинский П.П. Теория и практика русской речи: (Новые темы в программах для школы и ВУЗа).- Ростов на Дону:Феликс,1997.-478с.
2. Сухотинская А.В. Репетитор. Русская орфография и пунктуация.-М.,1992.-190с.
3. Голуб И.Б. Уроки русской орфографии: О сложном просто и легко.-М.,2002.-160с.
4. Мурашов А.А. Абсолютная грамотность: пособие по орфографии для совместной работы преподавателя и студента.- М., 2004.-142с.
5. Павлова М.А. Повышение грамотности с помощью НЛП.- М.Изд-во института психотерапии, 2000.-240с.

References

1. Vvedenskaya L.A., Chervinsky P.P. Theory and practice of Russian speech. – Rostov-on-Don, 1997. – 478 p.
2. Sukhotinskaya A.V. The coach. Russian spelling and punctuation. – Moscow, 1992. – 190 p.
3. Golub I.B. The lessons of Russian spelling. – Moscow, 2002. – 160 p.
4. Murashov A.A. Absolute literacy. – Moscow, 2004. – 142 p.
5. Pavlova M.A. Literacy increase with NLP technologies. – Moscow, 2000. – 240 p.

УДК 801.3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer
Sychyova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Л.В. Сычёва

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена проблеме методики обучения письму и письменной речи иностранных студентов. В ней рассматриваются группы различных письменно-речевых упражнений, направленных на формирование у студентов письменных навыков и умений.

L.V. Sychyova

THE PROBLEM OF TEACHING WRITING TO FOREIGN STUDENTS

The article is devoted to the methods of teaching writing to foreign students. The groups of various exercises aimed at written skills forming are sited.

Современная теория и практика подготовки специалистов нового типа, обладающих высоким профессионализмом и способных к творческой деятельности, поставлены перед необходимостью улучшения и систематизации самостоятельной работы студентов по всем учебным дисциплинам.

Её значимость подкрепляют такие тенденции современного учебного процесса как динамизм, дифференциация обучения [1]. Русский язык, как и любой другой учебные предмет, должен быть существенным, формирующим личность фактором, который необходим для разностороннего развития студентов и полноценной реализации их возможностей.

Развитие речевой деятельности иностранных студентов предполагает выработку умений слушать, говорить, читать и письменно излагать свои мысли. Письмо в методическом плане длительное время считалось «золушкой методики» и было почти полностью устранено из процесса обучения, что, по мнению Е.И. Пассова [2], было стратегическим просчётом. В последнее время роль письма в обучении иностранному языку постепенно повышается, и, в некотором смысле, письмо начинают рассматривать как резерв в повышении эффективности обучения. Нужно учитывать и практическую значимость письменного речевого общения в связи с активным развитием современных средств коммуникации, таких как электронная почта, интернет и т.п. Обучение в России иностранных студентов и аспирантов предполагает умение делать записи на русском языке, заполнять анкеты, писать заявления о приёме на учёбу или на работу, писать краткую и развёрнутую автобиографию, писать личные и деловые письма, употребляя нужную форму русского речевого и делового этикета.

Письмо и письменная речь в методике обучения русскому языку как иностранному выступают не только как средство обучения, но и как цель обучения иностранному языку. Письмо – это технический компонент письменной речи. Письменная речь наряду с говорением представляет собой так называемый продуктивный (экспрессивный) вид речевой деятельности и выражается в фиксации определённого содержания письменными знаками. Психофизической основой письменной речи является взаимодействие двигательного, зрительного и слухового и речемоторного анализаторов. Опора на все анализаторы в обучении даёт значительно лучший эффект. По данным психологов, услышанный материал

усваивается на 10%, увиденный на 20%, услышанный и увиденный на 30%, записанный на 50%, при проговаривании на 70%, при обучении другого на 90%. Психологи считают, что базой письменной речи является устная речь. И говорение, и письмо можно проследить от замысла (что говорить) к отбору необходимых средств (какие необходимы слова, как их сочетать в высказывании) и до реализации замысла средствами языка устно или письменно.

Как известно, письмо тесно связано с чтением. В их системе лежит одна графическая система языка. При письме идёт кодирование или зашифровка мысли с помощью графических символов, при чтении – их декодирование или расшифровка.

Если правильно определить цели обучения письму и письменной речи, учитывая роль письма в развитии других умений, использовать упражнения, полностью соответствующие цели, выполнять эти упражнения на подходящем этапе обучения, то устная речь постепенно становится богаче и логичнее.

Вспомогательную роль письмо выполняет при выработке грамматического навыка, при выполнении письменных заданий от простого списывания до заданий, требующих творческого подхода, что создаёт необходимые условия для запоминания. Без поры на письмо студентам трудно удержать в памяти лексический и грамматический материал.

Вся система языковых и условно-речевых упражнений, выполняемых в письменной форме, относится к учебной письменной речи. Письменные изложения, сочинения, творческие диктанты, составление планов и тезисов для сообщения на заданную тему, написание личного и делового письма, то есть письменные рассказы по заданным ситуациям, относятся к коммуникативной письменной речи

Письменная речь рассматривается в качестве творческого коммуникативного умения, понимаемого как способность изложить в письменной форме свои мысли. Для этого надо владеть орфографическими и каллиграфическими навыками, умением композиционно построить и оформить в письменном виде речевое произведение, составленное во внутренней речи, а также умением выбрать адекватные лексические и грамматические средства.

Обучение письменной речи включает различного рода упражнения: речевые упражнения для обучения составлению письменного сообщения; письменно-речевые упражнения для работы с печатным текстом; письменно-речевые упражнения, обусловленные процессом чтения, аудирования и устного общения.

Письменно-речевые упражнения для работы с печатным текстом, помимо известных всем упражнений, могут содержать, как считает Е.А. Маслыко [3], следующие:

- перепишите текст, исключая из него второстепенные слова и предложения;

- составьте письменное сообщение потенциальному, реальному или воображаемому адресату, используя содержание письма;

- подготовьте план-конспект устного выступления, используя подборку текстов по теме или проблеме сообщения.

При чтении (просмотровом, ознакомительном, изучающем) интерес представляют, по мнению Е.А. Маслыко, письменные упражнения типа:

- найдите в тексте и выпишите необходимую информацию;

- сделайте письменный обзор по теме или проблеме, используя при этом различные источники на русском языке;

- составьте аннотации по статьям специального журнала;

- по аналогии со статьёй (её структурой) подготовьте материал для предполагаемой публикации в специальном журнале;

- в процессе чтения литературы (текстов) сделайте письменные заметки для последующей работы с материалом [3].

При восприятии иностранной речи на слух (аудировании) студенты могут сделать записи: 1) составить конспект аудиотекста по заранее предложенному плану (по ключевым словам); 2) сделать записи к отпечатанным опорным сигналам в процессе прослушивания аудиотекста; 3) в соответствии с заданной коммуникативной ситуацией выделить из аудиотекста информацию и записать её.

Можно использовать свободный диктант. В этом случае преподаватель читает аудиотекст по абзацам, студенты записывают то, что запомнили; для облегчения выполнения задания заранее даются план и ключевые слова.

Практика письменной речи позволяет сделать переложение печатного текста или аудиотекста по памяти, по плану или сделать письменные предложения по решению определённого вопроса или определённой проблемы. Цикл занятий по теме завершается домашним сочинением (самодиктантом – письменным пересказом части текста или всего текста).

Способность изложить в письменной речи свои мысли на иностранном языке следует развивать последовательно и постоянно. Для решения этой задачи существует ряд упражнений репродуктивно-продуктивного характера. Упражнения, предлагаемые, например, немецким методистом Герхардом Нейнером, составлены в определённой последовательности от простого к сложному, от репродукции к

составлению собственного мнения, позиции. Все упражнения выполняются письменно. Интерес, на наш взгляд, представляют, например, такие задания:

- восстановите начало и конец истории;
- восстановите диалог по отдельным «направляющим» репликам;
- измените вид текста (сообщение на разговор, диалог на описание);
- неоднозначную ситуацию опишите в различных текстах и диалогах;
- поясните противоречие между текстовой и иллюстративной информацией;
- ответьте на письмо письмом, телефонным разговором, разговором и т.д.

В современной западной методике по обучению письму и письменной речи на иностранном языке получило распространение так называемое «креативное письмо». Под «креативным письмом» подразумеваются упражнения продуктивного характера самой различной степени сложности, разнообразные по форме и содержанию, часто в игровой форме. Отличительные черты этих упражнений состоят в том, что они выполняются непременно в письменной форме, по содержанию носят речевой творческий или полутворческий характер, интересны и увлекательны как для студентов, так и для преподавателей. В них обыгрываются стихи известных поэтов, используются монограммы, коллективно пишутся весёлые истории, пишутся письма в адрес вымышленных персонажей [4].

Не следует забывать три важнейших условия при введении на занятиях креативного письма: цели обучения, принципы, методы и приёмы обучения, а также учебный контроль.

В российских официальных учебниках по русскому языку как иностранному есть некоторое количество

творческих письменных заданий, например, написание письма, заполнение анкеты. Они выполняются частично по опорам, частично по аналогии.

Написание письма – очень удачная форма упражнений, носящих полифункциональный характер. Для обучения написанию письма необходимо начать с ряда речевых упражнений. На первом этапе могут быть предложены упражнения на запоминание речевых формул, клише, используемых в письме, формы письменного обращения к адресату, способы выражения благодарности и т.д. Далее следует просмотр текстов писем, определение схем различных писем, выделение отдельных фраз, опорных мыслей, ключевых слов. Студенты делают анализ текстов писем, дают характеристику их авторов, определяют характер письма (личное, семейное, деловое, проблемное; письмо с выражением благодарности, поздравлением, приглашением и т.д.), анализируют средства изложения мыслей в разных по стилю письмах, средства перехода от одной мысли к другой и т.д.

На втором этапе можно предложить составить план письма, используя образцы фраз и ключевых слов. Формы обращения и другие клише должны соответствовать содержанию, структуре и стилю письма.

На следующем этапе работы студентам предлагается составить коллективное письмо, затем тематические письма по заданным ситуациям, письма разнотемного характера (личное, семейное, деловое), письмо-ответ на просьбу или пожелание адресата. Возможно составление писем разным адресатам с разными целевыми установками, но с одинаковым содержанием или с внесением изменений в один и тот же текст сообщения. Следует поработать над составлением вопросов к адресату, определить их место в письме [4].

Таким образом, научить фиксировать устную речь, в том числе научить писать личные и деловые письма, заполнять анкеты, писать краткую и развёрнутую автобиографию, заявление о приёме на учёбу или на рабо-

ту и т.п. – всё это составляет основные цели обучения письму, выполняющего к тому же вспомогательную роль при обучении чтению, устной речи, грамматике, лексике.

Библиографический список

1. Зайцева И.В., Зарицкая Л.А. Самостоятельная работа студентов при обучении иностранному языку. (<http://www.orenport.ru/docs/281/work stud/Members/zaiceva.htm>).
2. Пассов Е.И. Беседы об уроке иностранного языка. – СПб., 1991.
3. Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. – Минск, 2004.
4. Басова А.В. К вопросу о письме и письменной речи в обучении иностранному языку // Язык. Культура. Образование: Сб. матер. междунар. науч. конф. «Чтения Ушинского». Вып. 2. – Ярославль, 2006.

References

1. Zaitseva I.V., Zaritskaya L.A. Self-study in foreign language learning // <http://www.orenport.ru/docs/281/work stud/Members/zaiceva.htm>
2. Passov E.I. Conversations about the lesson of foreign language. – St.-Petersburg, 1991.
3. Maslyko E.A. Handbook of a foreign language teacher. – Minsk, 2004.
4. Basova A.V. To the question of writing and written speech in foreign language teaching // Language. Culture. Education. – Num. 2. – Yaroslavl, 2006.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.111:378

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова О.В., Нудевива Кем*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
candidate of philological sciences, prof.
Novikova O.V. , Nudeviva Kem*

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

О.В. Новикова, Нудевива Кем

СИМВОЛИКА КРАСНОГО ЦВЕТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АФРИКАНСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В статье даётся сравнительный анализ символических значений красного цвета от древности до наших дней в культурно-языковых традициях народов Африки и восточных славян, прежде всего русских.

O.V. Novikova, Nudeviva Kem

SYMBOLOLOGY OF THE RED COLOUR IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE AFRICANS AND THE EASTERN SLAVS

The article gives comparative and historical analysis of the symbolic meanings of the red colour in African and Russian (Slavonic) language and culture traditions.

У каждого языка есть своя «картина мира», поэтому разные народы по-разному воспринимают мир через призму своего языка. Окружающая нас действительность всегда окрашена тем или иным способом, и естественно, что возникает необходимость применять термины цветообозначения. Однако количество цветов в цветовой палитре разных языков неодинаково. Так, в русском языке выделяют семь цветов радуги: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый.

В языках народов Бенина 3 основных цвета: levert (зелёный), lejaune (жёлтый), lerouge (красный). В языке тив в Нигерии – тоже 3 основных цветообозначения: одно – для зелёного, темно-синего и фиолетового, второе – для голубого и светло-серого и третье – для коричневого, красного, оранжевого и жёлтого.

Значит ли это, что африканцы не различают других цветов? Конечно, нет! Они просто по-другому группируют оттенки цвета. Африканские народы часто объединяют в одно понятие жёл-

тый, оранжевый и красный (тёплые цвета), противопоставляя их холодным – голубому, фиолетовому, зелёному. Кстати, в классификации, разработанной в современной психологии, выделяются тоже две группы цветов по воздействию на человека: первая включает теплые, «стимулирующие» цвета, связанные с процессами ассимиляции, активности и напряжения (красный, оранжевый, желтый и белый), а вторая группа состоит из холодных, «тормозящих» цветов, соотносимых с процессами диссимиляции, пассивности и расслабления (синий, индиго, фиолетовый и черный); зеленый цвет переходный [3].

Интересные исследования, демонстрирующие единую логику членения цветовой гаммы в разных языках, основанной на бинарных оппозициях, были проведены американскими психологами Б. Берлином и П. Кеем [8]. Они разделили весь цветовой спектр, включая белый и черный цвета, на 11 зон, которые легко различаются человеческим глазом. Во многих развитых языках для этих зон есть наименования: "белый", "черный", "красный", "зеленый", "желтый", "синий", "коричневый", "пурпурный", "розовый", "оранжевый" и "серый". Проанализировав затем 98 языков с разным количеством цветообозначений, авторы обнаружили, что во всех языках соблюдается последовательность, в которой появляются новые обозначения цветов:

{белый, черный} – {красный} – {зеленый, желтый} – {синий} – {коричневый} – {пурпурный, розовый, оранжевый, серый}. (Таблица – на доске)

Это означает, что языки, выделяющие только 2 цвета, отмечают самые контрастные цвета: белый и черный; языки, выделяющие 3 цвета, добавляют красный; затем добавляется либо зеленый, либо желтый, либо и тот

и другой и т. д. Эти исследования показывают роль принципа оппозиций, с помощью которого отмечаются каждый раз наиболее противопоставленные друг другу точки, а потом уже добавляются менее контрастные. В этом, по мнению авторов, состоит особенность психологического восприятия.

Цвет является одним из принципов культуры. Он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

Символика цвета имеет давнюю историю. Люди с незапамятных времен придавали особое значение чтению «языка красок», что нашло отражение в устойчивых выражениях, в древних мифах, народных преданиях, сказках, различных религиозных и мистических учениях. Так, в астрологии лучи Солнца, разложенные в спектр и дающие 7 цветов, соответствовали 7 основным планетам: красный — цвет Марса, синий — цвет Венеры, желтый — цвет Меркурия, зеленый — цвет Сатурна, пурпурный — цвет Юпитера, оранжевый — цвет Солнца, фиолетовый — цвет Луны [9]. При этом краски символизировали не только планеты и их влияние, но и социальное положение людей, их различные психологические состояния. Это проявлялось в подборе одежды определенных цветов, народных поговорок, обрядах и т.д. У разных народов сложилась определенная символика красок, дошедшая до наших дней.

Остановимся для примера на красном цвете. Сравним его символическое значение в русской и африканской культурах.

Уже в эпоху верхнего палеолита люди засыпали умерших минеральной красной краской. По мнению учёных, красная краска призвана была заменять собой кровь, которая, как думали пер-

вобытные люди, являлась источником жизни [4]. Красный цвет встречается уже в наскальной живописи африканских народов и вовсе не потому, что красную краску легко было добыть. Это связано с религиозными представлениями. Английский этнограф В. Тэрнер [6], наблюдая за обрядами и ритуалами Ндембу, подробно описал символические значения трех "основных" цветов в жизни первобытного человека. Ндембу связывают эти цвета с тремя реками (сущностями) одного Бога, который ими представлен.

Для Ндембу красный выражает так называемые "красные вещи", которые сделаны из крови или красной глины (отсюда имя первого человека – Адам, что значит «красная глина»). Все "красные вещи" разделяются на две категории в зависимости от того, приносят они добро или зло. Однако все они обладают силой, т.к. кровь – сила, без нее человек умирает. Таким образом, **сила – главное значение красного**, и этим объясняется его роль в качестве магического средства.

Например, в ритуале, посвященном рождению ребенка, новорожденному наносились красные точки на голову, половые органы и другие части тела для того, чтобы он рос здоровым и сильным.

Рисунок красной руки перед входом в первобытную пещеру служил для отпугивания злых демонов.

Раскрашивание красной краской лиц воинов должно было придать им силу и храбрость и одновременно утратить врагов.

Как символ силы, красный использовался и в качестве средства от сглазов и наговоров. Его считали лечебным цветом, способным заживлять раны и возвращать здоровье. С этой целью к пораженным участкам тела прикладывали красные тряпки или глину.

Кровь наносили на предметы, которые хотели оживить.

Важную роль красный цвет играл и в обрядах очищения. Члены племени, участвовавшие в процедуре обрезания, должны были на протяжении определенного времени носить на руках и шее предметы красного цвета. Когда мальчик из африканского племени проходит обряд инициации и становится мужчиной, его тело красят в красный цвет, символизирующий энергию жизни во взрослом состоянии. В Нигере красный цвет используется в женских ритуалах, означая превращение девочки в женщину. Девушек отправляют в «жирные дома», где их специально откармливают, чтобы они превратились в упитанных, плодовитых невест. Их тела покрывают красным пальмовым маслом и красной глиной, чтобы они не потели, а следовательно, не теряли вес.

Наряду с белым и черным цветом, красный до сих пор широко используется в ритуальной маске, которая сопровождает человека от рождения до самой смерти. Как правило, это натуральная краска, добываемая из коры африканских деревьев [1].

Красный цвет – амбивалентный символ. В сочетании с белым цветом он составляет "жизнеутверждающую пару", символизирующую добрые силы, могущество, почет, власть и богатство. В паре с черным усиливаются негативные стороны красного цвета, его зловещий характер, он начинает символизировать злые силы и использоваться в магии.

Красный цвет – это цвет страсти, но красные цветы нужно дарить очень осторожно, только самым любимым; ни в коем случае нельзя, чтобы мужчина дарил красные цветы невесте, если он не является ее женихом. Красный цвет снабжает очень сильной, но достаточно грубой энергией. С одной стороны способствует активности, уве-

ренности, дружелюбию, а с другой, может провоцировать ярость, гнев. Он связан с агрессивностью и сексуальными желаниями. На знамени он символизирует бунт, революцию, борьбу.

Подобное восприятие красного цвета можно проследить и в культурных традициях восточных славян. Их любимые цвета – белый и красный. Слово «красный» было унаследовано от древнерусского «червлёный», так как красную краску на Руси добывали из насекомых **червецов**. Слово «красный» в русском языке означало «светлый, яркий, хороший, красивый» [2]. В старину говорили: **красное солнышко** – приветливое; **красный денёк** – солнечный, **красна девица**, **Красная площадь** – красивая, **прекрасный** – очень красивый, **красная изба** – чистая, белая. **Не красна изба углами, а красна пирогами**; **Сказка красна складом, а песня – ладом**; **Птица крыльями сильна, жена мужем красна**; **Старость не радость, не красные дни**.

Анализ устойчивых сочетаний, взятых из словарей [2, 7] говорит о многозначности слова. Красный – значит «ценный»: **красный хлеб** – пшеница, **красный мёд** – гречишный, **красный товар**; **красное железо** – мягкое, сваренное на витые, узорчатые стволы; **красная медь** – чистая, без примесей; **красное дерево** – для поделок, **красная дичь** – отборная, **красная рыба** – без костей.

Красный – значит «почётный, лучший»: **красный угол** – угол, где иконы, обычно обращены на юго-восток, солнце утром светит (**Красный угол – красному гостю**); **красное крыльцо** – переднее, парадное. Красным крыльцом называли лестницу, примыкавшую к Грановитой палате и служившую для царского выхода во время торжественных церемоний, а также и всю обходную галерею, соединявшую здания во-

сточного фасада дворцовых построек на уровне «второго» этажа.

Красный – значит «богатый»: **красное житьё** – избыток, довольство; **продавец в красных сапожках ходит** – то есть с деньгами.

Красный – это цвет **плодородия здоровья**. Преобладание красного цвета в радуге обещает здоровье и хороший урожай, богатство. Последний сноп подвязывали красной ниткой или платком. При первом выгоне скотине подвешивали колокольчик на шнурке красного цвета. При родах пуповину младенцу перевязывали красной нитью, считали, что красный цвет кожи новорожденного свидетельствует о его долголетию.

Трудно перечислить все значения слова: **красное словцо** – шутка, острота, **красная строка** – абзац, **отдать под красную шапку** – в солдаты, **красный звон** – мелодичный, **красный поезд** – свадебный, княжеский.

Красный воспринимался как прекрасный, веселый, радостный цвет, как цвет молодости. Поэтому и название первого праздника воскресшей весны – **Красная горка** (день поминок родителей) – связано с этим цветом. Свадебный наряд девушки состоял из красного сарафана. Таким образом, изначально красный – это **символ жизни, радости, праздника** в Древней Руси.

Кроме того, красный цвет – это **символ власти**, поэтому это любимый цвет древнерусских князей. Путь государя при венчании на царство обозначался красным ковром. Венцы и короны в большинстве случаев украшались крестами, в основании которых находились красные драгоценные камни. Так, вишнево-красная шпинель (лал) увенчивала Казанскую шапку Ивана Грозного, затем этот камень был перенесен на навершие венца Михаила Федоровича, а еще позже, лал увенчал Алмазную шапку царя Ивана Алексеевича. [6]

Красный цвет наделялся защитными свойствами и использовался как **оберег**. Покойнику связывали руки и ноги красной нитью, часто и головной убор для покойного делался из материи красного цвета. Гроб несколько раз из конца в конец обматывали красной шерстяной нитью, беременная женщина завязывала нить красного цвета на пальце, когда шла прощаться с покойным. Иногда в поминальные дни из дома выносили все красное. На Русальной неделе перед Троицей поминали утопленников, разбивая на их могилах красные яйца. Красной краской чертили магический круг; на Пасху умывались водой, в которую были положены красное яйцо или красное растение. Красный цвет способен защитить от змеи, мышей, волка; отогнать злых духов и непогоду.

В качестве лечебного средства широко использовалась красная нить, ее привязывали на руку или ногу, оставляли висеть на кустах растений. От боли в суставах обвязывали руки красной шерстью, нитками, полосами ткани, считалось, что это защитит и от лихорадки, испуга.

Однако красный – это не только оберег и лекарство, но и **цвет потустороннего мира, хтонических и демонических персонажей**. По этимологии чернота и краснота едины: от древнеиндийского «чернь» - красный, поэтому красный цвет связан не только с жизнью, но и со смертью (традиционный траурный цветна Украине – красный). Сочетание красного с чёрным часто представляется, как нечисть. Красным цветом отмечены многие мифологические персонажи: так, дворовой может выглядеть как толстая змея красного цвета. Красного цвета глаза у ведьмы, русалок; кожа у чертей, мифических инородцев; волосы или шапка у домового, русалки, лешего; платье лешачихи и рубаха домово-

го, штаны лешего и шарф черта. "Женщины в красном" – вестницы несчастья. **Красный человек** – полоумный. «**Рыжий да красный – человек опасный**» – говорят в народе.

В русской традиции красный цвет прежде всего связан с огнём (древние люди были огнепоклонниками). Это нашло отражение в языке (**пустить красного петуха**), легендах, объясняющих наличие красного цвета в окраске животных; русских поверьях: о красном летающем огненном змее; о "бабе в красном казане" (персонификация пожара); об огненно-красном поле-вике, который кажется людям россыпью искр.

Значение **цвета крови** появилось лишь в XV-XVI веках. Связь красного цвета с кровью проявляется в свадебной символике, часто пояс красного цвета является неотъемлемой частью костюма несовершеннолетней девушки. Наличием свежей крови в теле "нечистых покойников" (упыря, колдуна) объясняет красный цвет их лиц. В иконописи он имеет различное значение: например, красный плащ Георгия Победоносца – это знак царской власти и одновременно символ мученичества, плащ архангела Михаила – символ «огня и меча». В работах Рублева красный ромб символизировал Землю.

Позднее красный цвет стал обозначать **напряжение сил, концентрацию энергии**—тяжелый труд, борьба, война, конфликты, трагедия, драма, гнев, жестокость, ярость, страсти. Образ красного коня, созданный К. С. Петровым-Водкиным («Купание красного коня»), стал **символом революции**. В то же время красный цвет был эмблемой хаоса, губившего Россию (Андрей Белый).

В конце 90-х годов красный цвет получил новое звучание: цвет «новых русских», людей в красных пиджаках. С одной стороны, красный цвет пиджа-

ка – это цвет престижа, поэтому к краснопиджачникам стремились примкнуть все, кто хотел хотя бы внешне показать этот престиж. С другой стороны, красный пиджак стал вызывать ненависть тех, кто не мог похвастаться престижем, поэтому появляется множество анекдотов о «новых русских» в красных пиджаках.

Таким образом, в русской народной традиции символика красного цвета также амбивалентна. Его промежуточная позиция между белым и черным идентична позиции тени в триаде свет/тень/мрак, где тень противопоставлена свету, но в то же время не совпадает с мраком.

В современном мире красный цвет остаётся амбивалентным символом. С одной стороны, это энергия и сила. Яростные, мощные тона красного сразу же привлекают к себе внимание. Это цвет величия и руководства. Красная кровь — это признак патриота и настоящего мачо. За храбрость вручается алый знак доблести. Самые свежие и сенсационные новости называются «горячими», то есть раскаленными до-

красна, а самая серьезная тревога имеет красный цветовой код. Праздничные дни выделяются в календаре красным цветом (в прошлом они связывались со святыми мучениками). Принимая высокопоставленных гостей, им под ноги стелют красную ковровую дорожку.

С другой стороны, банковские менеджеры красными чернилами сообщают нам о том, что мы превысили имеющийся у нас кредит. Красная лента во многих странах запрещает проход и ограничивает движение.

Таким образом, люди с древности проявляли особый интерес к красному цвету. И в русской, и в африканской культурах много общего в его символике. Однако если у африканских народов на первом месте стоит связь красного с кровью – это сила, созидаящая или разрушительная; то для русских красный цвет связан прежде всего с огнём, а потом уже с кровью; изначально это цвет радости, света, красоты. Эти различия затрагивают глубокие слои сознания и отражают национальные культурнообусловленные особенности.

Библиографический список

1. Вернер В. Мифы народов Африки /Пер. с англ. Т.Е. Лобовской. – М., 2007.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 1979.
3. Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира. – М.: Издательский Дом Мещерякова, 2008, с. 292-293.
4. Максимова Е.Л. Чёрный. Красный. Белый. Россия. Век XX. // Вестник Университета Российской академии образования. – 2006. – № 2. – С. 96-104.
5. Пчелов Е.В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа. //Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 7. – С. 140-152.
6. Тэрнер В.У. Символ и ритуал. М., 1983.
7. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
8. Berlin V. & Kay P. Basic Color Terns. – California, 1969.
9. Символика цвета. – [www:sunhome.ru/psychology/12294](http://www.sunhome.ru/psychology/12294).

References

1. Verner V. African national myths. – Moscow, 2007.
2. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live great Russian language. Vol. 2. – Moscow, 1979.
3. Leontiev A.A. Travel on language map of the world. – Moscow, 2008. – P. 292-293.

4. Maximova E.L. Black. Red. White. Russia. XX century // University herald of Russian educational academy. – 2006. – Vol. 2. – P. 96-104.
5. Pchelov E.V. Symbology of Russian state signs: colours and numbers // Herald of Russian state classical university. – 2010. – Vol. 7. – P. 140-152.
6. Ternер V.U. Symbol and rite. – Moscow, 1983.
7. Idiomatic dictionary of Russian language. – Moscow, 1986.
8. Berlin B. & Kay P. Basic Color Terns. – California, 1969.
9. Symbology of colous // [www:sunhome.ru/psychology/12294](http://www.sunhome.ru/psychology/12294)

УДК 821 (091)

*Воронежский государственный университет
Старший научный сотрудник кафедры русской литературы XX века, кандидат филологических наук, доцент Тернова Т.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)20-89-41
e-mail: ternova@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Senior staff scientist of the chair of Russian literature of XX centure, Candidate of Philology, Assistant Professor Ternova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732)20-89-41
e-mail: ternova@phil.vsu.ru*

Т.А. Тернова

НЕОРОМАНТИЗМ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО

В статье раскрывается неоромантическая специфика творчества раннего В. Маяковского. Предметом исследования становятся стихотворения и поэмы 1913-1917 гг.

T.A. Ternova

ROMANTICISM IN THE EARLY WORKS OF MAYAKOVSKY

The article reveals the neo-romantic specificity of early Mayakovsky. The subject of the study are poems of the years 1913-1917.

Творчество Владимира Владимировича Маяковского (1895-1930), как и литературную работу любого из ярких литературных авторов, нельзя не только оценить однозначно, но и четко соотносить с тем или иным литературным направлением. Владимир Маяковский в разные периоды своей литературной биографии — и член группы кубофутуристов, и представитель ЛЕФа...

Но членство в разного рода литературных объединениях, тем не менее, не объясняет сути его собственного таланта, специфики его личного взгляда на мир, не исчерпывает особенности его поэтики.

Проигнорировав деление творчества В. Маяковского на периоды, к его литературной работе можно применить одну постоянную характеристику — это неоромантизм со всеми присущими ему особенностями формы и содержания.

Неоромантизм — течение в искусстве конца 19 — начала XX веков, впервые осмысленное С. Венгеровым [1]. Его возникновение было подготовлено спецификой мировидения рубежной эпохи с присущим ей желанием пересмотреть сложившиеся стереотипы восприятия мира. В литературе неоромантизм стал реакцией на реалистическое и тем более натуралистическое истолкование человека как социально-биологического объекта, обусловленного средой в самом широком смысле (общественном и природном). Неоромантизм предлагает принципиально иной взгляд на человека как сильное яркое существо, пусть подчас терпящее крах в столкновении с миром, но идущее навстречу ему даже под угрозой смерти. Представление неоромантиков о человеке сформировалось под влиянием идей Ницше и Шопенгауэра.

Неоромантизм — общеевропейское культурное явление рубежа XIX–XX вв. Неоромантики в музыке — Ф. Лист и Р. Вагнер. К неоромантизму как литературному течению относят Генрика Ибсена, Кнута Гамсуна, Редьярда Киплинга, в русской литературной традиции раннего М. Горького, А. Блока, Н. Гумилева, А. Грина, М. Цветаеву. Возможно трактовать как неоромантическое и творчество В. Маяковского. Несмотря на общеевропейскую распространенность, идеи неоромантиков не стали основанием для групповой деятельности и не были осознаны его представителями.

Неоромантизм естественно обнаруживает сходство с «классическим» романтизмом начала 19 в. В произведениях неоромантиков тот же центральный конфликт — противостояние личности и мира, идеального и реального; интерес к сильной личности; отрицание обыденного, бытового; интерес к фантастике и мистике. В то же время в неоромантических текстах нередко по-

является тема гипертрофированных чувств, страстей, телесности.

Это в полной мере характерно для творчества раннего Маяковского, лирический герой которого хочет слиться с миром «в едином поцелуе». Неоромантизм и футуризм вполне уживаются в его творчестве, так как имеют точки соприкосновения: неприятие прошлого, мира обывателей, внимание к отдельной личности. Маяковский не был единственным романтиком в футуристическом лагере (см. [16]).

Неоромантическим в широком смысле можно назвать все творчество Маяковского с характерным для него нежеланием принимать быт и статику, но в зрелый период в литературной работе поэта появится категория факта («Воспаленной губой припади и попей из реки по имени факт» [15; с. 235]), которая не вполне сородна романтическим установкам. Впрочем, и наглядность факта не отменяет у Маяковского возможности и необходимости мечты. Вспомним образ «страны-подростка», которой только предстоит вырасти в созидательный мир для всех в поэме «Хорошо!».

Однако в чистом виде, вне всяких оговорок неоромантическим можно называть раннее творчество Маяковского. На этот период приходятся стихотворения «Нате!», «Послушайте!», «А вы могли бы?», «Утро», «Улица», «В авто», «Скрипка и немножко нервно» и др. В этот период у Маяковского много адресных текстов, которые построены по единому сюжетному «сценарию»: сначала лирический герой пытается организовать акт коммуникации с миром бытовых людей, потом убеждается, что диалог невозможен, далее радикально порывает с ним, демонстрируя границы собственной идентичности. Впрочем, лирический герой поэта изначально подозревает обреченность ситуации: вспомним строчки из

поэмы «Облако в штанах»: «А вы — Джиоконда, которую нужно украсть! И украли» [12; с. 179].

Система персонажей в текстах раннего Маяковского структурирована однозначно и очевидно: с одной стороны — «я», поэт, лирический герой, с другой — «они», «вы» (в зависимости от этапа сюжетного развития), обыватели.

Так построено стихотворение «*Нате!*» [9]. Ал. Михайлов отмечает, что «это было первое стихотворение двадцатилетнего Владимира Маяковского из двух десятков к тому времени написанных (не считая самых юношеских, потерянных), в котором он открыто противопоставил себя буржуазному обществу. Противопоставил в грубой, вызывающей форме» [17]. Тем не менее, «буржуазность» — слишком социальная характеристика как мира, который отвергает лирический герой Маяковского. Будучи романтиком, он отрицает социальную иерархию как частность, вытекающую их единой протестной установки, ориентированной на сферу мироотношения в целом.

Образ его лирического героя вырастает не из внешних признаков, а из обозначений его внутреннего мира. Главный из них, деталь, с ним связанная, — сердце, определяющее способность к чувствам, причем далеко не только сглаженным и отрефлексированным: лирический герой Маяковского способен и на проявления любви, и на проявления ненависти («я захохочу и радостно плюну» — в финале текста) — в обоих случаях яркой, сильной, гипертрофированной. Чувства способны сменять друг друга («От обиды — к ненависти, от жалобы — к мести, от боли — к насилию» — так описывает этот неостановимый процесс

внутренних трансформаций Ю. Карабчиевский [2]), но при этом сохраняют силу и адресность проявления. Чувства лирического героя нарочито «грубы», он, по собственному определению, «грубый гунн». Однако в этой формуле вряд ли есть однозначная негативная коннотация: гунн в культуре Серебряного века — не только разрушитель естественно уходящего, отжившего, но и зачинатель новой культуры (см. стих. В. Брюсова «Грядущие гунны»). Любопытное наблюдение над таким приемом Маяковского, когда автохарактеристика предполагает двойной угол зрения на поэта, делает Ю. Карабчиевский, отмечая в его текстах «ощущение постоянной, необходимой дистанции между тем, что сказано, и тем, что на самом деле» [2].

Важной характеристикой лирического героя Маяковского становится динамизм («бабочка поэтиного сердца»), что, впрочем, подтверждается и уже обозначенной присущей ему эмоциональной лабильностью. Он открыт вовне — к миру, другим людям: «я — бесценных слов транжир и мот». Мотив открытости создает кольцевую композицию текста: в финале повторено: «я — бесценных слов мот и транжир». Нарушение пунктуационного требования не ставить тире после местоимения даже визуально выделяет эти фразы, приобретающие в тексте почти характер рефрена.

Главной собственностью поэта оказывается нематериальное — слова, да и то эта собственность условна, поскольку он адресует их людям («Я вам открыл столько стихов шкатулок»).

Это существенно различает его с обывателями, которые поданы исключительно через внешнее: «вот вы, мужчина, у вас в усах капуста...», «вот вы, женщина, на вас белила густо, вы смот-

ритесь устрицей из раковин вещей». Они лишены индивидуальности: «толпа озверевает». Им доступны эмоции только низшего порядка («озверевает», «ощетинит ножки стоглавая вошь»). В их описании присутствует мотив статики: «вытечет по человеку ваш обрюзгший жир», «взгромоздитесь». Создается ощущение телесной нечистоты («грязные»). Стоит отметить, что решение вопроса о телесности в текстах раннего Маяковского чаще всего оказывается принципиально иным. Его лирический герой одержим жаждой не только духовной, но и телесной, чувственной. Однако в данном случае бестелесность лирического героя необходима для обозначения дистанции между ним и обывателями.

В финале стихотворения «Нате!» зафиксирован окончательный разрыв между двумя группами персонажей. Стихотворение заканчивается эпатажным выпадом лирического героя: «Я захохочу и радостно плюну, плюну в лицо вам...» В ком же или в чем причина этого конфликта? Тут нет и не может быть однозначного ответа. Конечно, поэт и обыватели – существа принципиально разных знаков, существующие в разных системах пространственных координат ('динамика' — 'статика', 'открытое' — 'закрытое'). Но дело во многом и в позиции самого лирического героя. Коммуникация, на которой он настаивает в начале, носит игровой характер. В этом убеждает то, что первая деталь, которую он фиксирует (хочет увидеть) в своих оппонентах — «обрюзгший жир», заполняющий «чистый переулочек». Такая установка не свидетельствует о настоящем желании диалога.

Трагедия лирического героя раннего Маяковского как раз и состоит в его замкнутости на себе, в невозможности спуститься со своего «пьедестала», с которого открывается вид на улицы,

наводненные толпами людей в стихотворении «Нате!» Собственно пьедестал как обозначение пространственной позиции лирического героя у Маяковского обыгрывается даже на уровне детали не единожды (например, в трагедии «Владимир Маяковский»). Реализуется характерный для неоромантизма неразрешимый конфликт героя и мира.

Общим местом стала мысль о том, что образ человека у раннего Маяковского был сформирован под влиянием поэзии Лермонтова и философии Ницше. К последнему источнику можно возводить и религиозные, а точнее, богоборческие мотивы в лирике раннего Маяковского. Они реализуются, в частности, в стихотворении «*Послушайте!*» [13] Бог здесь предстает не просто в антропоморфном, но даже в сниженном образе. Деталь, которая с ним ассоциирована — «жилистая рука». Это Бог, осмысленный в футуристическом ключе: не отмененный, присутствующий наверху иерархии, но недобрый, мало что определяющий в жизни человека. К такому Богу можно «врываться», требовать, выдавая требование за просьбу («просит — чтоб обязательно была звезда!»), шантажировать («клянется — не перенесет эту беззвездную муку!»).

Любопытные наблюдения по поводу стихотворения «*Послушайте!*» делает В. Перцов [18; с. 194]. Он утверждает, что стихотворение является вольным переложением текста французского поэта Франсиса Жамма «Молитва, чтобы получить звезду» (из сб. Жамма «От утреннего благовеста до вечерни», перевод И. Эренбурга). При таком прочтении стихотворение Маяковского обретает второй план и прочитывается как полемика не только с традиционными ценностями в поле этики, но и в поле эстетики.

В стихотворении Жамма отношения между Богом и человеком выстраиваются в традиционной схеме, по вер-

тикали: Боже, дай мне одну золотую звезду, Может, в ней для души я спасенье найду...» Лирический герой робок и унижен в своем обращении к Богу: «Если гибель в звезде – подари ее мне, Как дают бедняку золоченое су». Он явно живет в Божьем мире, принимая его и свою судьбу как данность: «Без обиды, без жалобы все я снесу».

В стихотворении Маяковского отношения между Богом и человеком строит человек. Важнее Бога для него другие люди, те романтики, которым «необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда». Впрочем, эта фраза не звучит у Маяковского как утверждение. Она завершается комбинацией знаков – вопросительного и восклицательного. Замкнутый на себе, лирический герой Маяковского не знает единственно правильного ответа о ценностях других людей, с которыми его связывает и притяжение, и отталкивание. Не случайно на свои вопросы: «Ведь теперь тебе ничего? Не страшно? Да?!» — он так и не получает ответов. Коммуникация не выстраивается.

Стихотворение Жамма идеально организовано с точки зрения ритма и рифмы. Рванный ритм стихотворения Маяковского подчеркивает лирическое напряжение текста. Ю. Карабчиевский характеризует его как «странный, принудительный <...> как бы выкручивающий руки фразе» [2]. Такой ритм вполне можно возвести к числу футуристических приемов, нарочито выраженных, выпирающих из каждой фразы текста. Сам Маяковский писал о своем интересе к форме: «Детей (молодые литературные школы также) всегда интересует, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слонов. Если лошади при этом немного попортились

— простите!» («Как делать стихи?» [8; с. 81]).

Специфика ритмической организации текстов Маяковского (знаменитая лесенка) явно обусловлена содержанием и в то же время задает его: при помощи нарочито рваных фраз никак нельзя описать целостный гармоничный мир. Мир в представлении Маяковского, действительно, дискретный. И это касается не только сферы человеческих отношений, но и обозначения пространства. Ю. Карабчиевский пишет об этом: «Он видел мир как совокупность частей, имеющих определенную геометрическую форму, механически соединенных между собой и действующих также по законам механики» [2]. Графичность картины мира — часть кубофутуристической поэтики. У Маяковского координаты города определяются перекрестьями проводов и нитей дождя (стих. «Утро»), из них вырастают бегущие кубы домов (стих. «Из улицы в улицу»).

Мир увиден ранним Маяковским как кричаще многоцветный («я сразу смазал карту будней...» — «А вы могли бы?» [3], «восток бросал в одну пылающую вазу» — «Утро» [], «багровый и белый разбросан и скомкан...» — «Ночь» [10]). Цветовой образ нередко ложится в основание создаваемой метафоры: «Окровавленные туши» [11; с. 189], «окровавленный песнями рот» [12], «окровавленный сердца лоскут» [11; с. 175], «у раненого солнца вытекал глаз» [4], «сочными клочьями человеческого мяса» [6; с. 64], «на сажень человеческого мяса нашинковано» [5; с. 228]... Метафора у Маяковского практически всегда охватывает целое текста («Утро», «Ночь»). Ю. Олеша писал, отмечая умение Маяковского строить метафору: «Я несколько раз

предпринимал труд по перечислению метафор Маяковского. Едва начав, каждый раз я отказывался, так как убеждался, что такое перечисление окажется равным перечислению всех его строк» (цит. по: [2]). Метафора всегда удаляет от реальности, перемещая мир «внутри» сознания поэта. Таким образом, можно утверждать, что использование метафор вполне характерно для неоромантической поэтики, поскольку она позволяет отграничить мир «видимый» и мир «реальный».

Многие тексты раннего Маяковского построены как «переброс» из одной реальности в другую («Утро», «Из улицы в улицу»). Так, в стихотворении «Из улицы в улицу» фонарь ведет не в мир тайн, как это было у символистов, а к живой телесной реальности: «Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок» [7; с. 39]. Поэт у Маяковского, наделенный трагически противоречивым характером, не в состоянии замкнуться ни в одной из них.

Отсюда оксюморонный характер заглавия поэмы-тетраптиха В. Маяковского «Облако в штанах» (1914-1915 гг.)

В прологе поэмы задаются антитеза «я» — «вы» и метафора корриды, выражающая суть взаимоотношений поэта и мира:

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изысываюсь, нахальный и едкий [11; с. 175].

Существование обывателей написано в приведенном фрагменте как

предельно бытовое, нетворческое, отсюда и характерный набор лексем: «жир», «кушетка». Причастные формы, использованные для характеристики мира обывателей, указывают на длительность действия, повторяемость. По словам Д. Розенталя, причастия прошедшего времени обозначают «действие, завершившееся к моменту речи» [19; с. 89]. Т.о., сама грамматическая форма становится в тексте моментом характеристики статичного существования обывателей.

Напротив, эмоция лирического героя Маяковского может быть обозначена как эмоция первого восприятия мира. Не случайно поэтому в тетраптихе указание на его возраст, как бы обозначающий нулевую, начальную точку движения: «Мир огрóbив мощью голоса, / иду — красивый, / двадцатидвухлетний» [11; с. 175]. Характеристики лирического героя здесь универсальны для раннего Маяковского: он наделен сердцем, делающим его способным к гипертрофированным эмоциям (страсти, а не нежности: «Нежные! Вы любовь на скрипки ложите. Любовь на литавры ложит грубый» [11; с. 175]), осознает себя поэтом.

В первой части он пытается выстроить отношения с любимой — Марией, во второй — осмыслить суть литературной работы. Во фрагменте появляется метатекстуальное начало: поэт создает текст о поэзии, описывает приемы поэтики, утверждая, что не создает миры, а пересотворяет реальность («Я знаю — гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете» [11; с. 183]). В интерпретации Маяковского поэт оказывается значимей Бога: «Будут детей крестить именами моих стихов» [11; с. 190].

Достроить мир, дать ему слово, а значит, жизнь, может только поэт — индивидуум, равный Богу. Бог высту-

пает как противник человеческого творчества:

Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово [11; с. 182].

Слово, по Маяковскому, в арсенале не бога, но человека. Бог воспринят в контексте поэмы как культурный феномен, Библия становится источником образности: «Я <...> в самом обыкновенном Евангелии / тринадцатый апостол» [11; с. 190] (напомним, что «Три-

надцатый апостол» — первый вариант названия текста).

Раннее творчество Маяковского прочитывается как гимн человеку, но такой пафос не отменяет трагедии человеческого существования. Лирический герой Маяковского становится в определенном смысле заложником романтического взгляда на мироустройство. Упиваясь собственной уникальностью, он становится неспособен к контакту с миром, взаимоотношения с которым ограничиваются областью эпатажа

Библиографический список

1. Венгеров С.А. Этапы «неоромантического» движения: Статья первая / С.А. Венгеров // Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгерова. — М. : Изд. товарищ. «Мир», 1914. — Т. 1. — С. 1-54.
2. Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского (Филологический роман) / Ю. А. Карабчиевский. — М. : Сов. писатель, 1990. — 222 с. // [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/portf/karab/vstup.html]
3. Маяковский В.В. А вы могли бы? / В.В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 1. — 1955. — С. 40
4. Маяковский В.В. Адище города / В.В. Маяковский // Там же. — С. 55.
5. Маяковский В. В. Война и мир / В.В. Маяковский // Там же. — С. 209-242.
6. Маяковский В.В. Война объявлена / В.В. Маяковский // Там же. — С. 64-65.
7. Маяковский В.В. Из улицы в улицу («У — лица...») / В.В. Маяковский // Там же. — С. 38-39.
8. Маяковский В.В. Как делать стихи? / В.В. Маяковский // Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 12. — 1959. — С. 81-117.
9. Маяковский В.В. Нате! / В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 1. — 1955. — С. 56.
10. Маяковский В.В. Ночь / В.В. Маяковский // Там же. — С. 33.
11. Маяковский В.В. Облако в штанах: (Тетраптих) // / В.В. Маяковский // Там же. — С. 173-196.
12. Маяковский В.В. От усталости / В.В. Маяковский // Там же. — С. 51
13. Маяковский В.В. Послушайте! / В.В. Маяковский // Там же. — С. 60-61.
14. Маяковский В.В. Утро / В.В. Маяковский // Там же. — С. 34-35.
15. Маяковский В.В. Хорошо!: Октябрьская поэма / В.В. Маяковский // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. — Т. 8. — 1958. — С. 233-328.
16. Минц З.Г. Футуризм и неоромантизм»: К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Ел. Гуро / З.Г. Минц // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные

- труды: В 3 кн. — СПб.: Искусство, 2004. — Кн. 3: Поэтика русского символизма. — С. 317–326.
17. Михайлов А.А. Маяковский / А.А. Михайлов. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 558 с. — (Жизнь замечательных людей) // [http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0290.shtml]
18. Перцов В.О. Маяковский: жизнь и творчество / В.О. Перцов. — 3-е изд. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 2 (1918-1924). — 494 с.
19. Розенталь Д.Э. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы / Д.Э. Розенталь. — М.: Просвещение, 1990. — 223 с.

References

1. Vengerov S.A. Stages of «neo-romantic» movement: Article One / S.A. Vengerov // Russian Literature of the XX century / Ed. SA Vengerov. — М.: Publishing company «World», 1914. — Т. 1. — P. 1-54.
2. Karabchievsky Y.A. Resurrection Mayakovsky (Philological novel) / Y.A. Karabchievsky. — М.: Sov. writer, 1990. — 222 pp. // [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/portf/karab/vstup.html]
3. Mayakovsky V.V. And you could? / V.V. Mayakovsky // V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. AM Gorky. — Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. — Vol. 1. - 1955. — P. 40.
4. Mayakovsky V.V. Hell of City / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 55.
5. Mayakovsky V.V. War and Peace / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 209-242.
6. Mayakovsky V.V. War has been declared / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 64-65.
7. Mayakovsky V.V. From street to street / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 38-39.
8. Mayakovsky V.V. How do poems? / V.V. Mayakovsky // V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. AM Gorky. - Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. — Vol. 12. — 1959. — P. 81-117.
9. Mayakovsky V.V. Take! / V.V. Mayakovsky // V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. AM Gorky. — Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. — Vol. 1. — 1955. — P. 56.
10. Mayakovsky V.V. Night / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 33.
11. Mayakovsky V.V. Cloud in pants / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 173-196.
12. Mayakovsky V.V. From fatigue / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 51.
13. Mayakovsky V.V. Listen! / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 60-61.
14. Mayakovsky V.V. Morning / V.V. Mayakovsky // Ibid. — P. 34-35.
15. Mayakovsky V.V. Good!: October Poem / V.V. Mayakovsky // V.V. Mayakovsky Complete Works: In the 13 vol. / USSR. Inst world lit. them. AM Gorky. — Moscow: Gos. Izd artist. lit., 1955-1961. — Vol. 8. — 1958. — P. 233-328.
16. Mints Z.G. Futurism and romanticism: the problem of the genesis and structure of the «Stories of the poor knight» El. Guro / Z.G. Mintz / Mints Z. G. Block and Russian symbolism: Selected Works: In the 3 books. — St.: Art, 2004. — B. 3: The Poetics of Russian Symbolism. — P. 317-326.
17. Mikhailov A.A. Mayakovsky / A.A. Mikhailov. — М.: Young Guard, 1988. — 558 pp. — (Life of Famous People) // [http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0290.shtml]
18. Pertsov V.O. Mayakovsky: life and work / V.O. Pertsov. — 3rd ed. — М.: Literature, 1976. — Т. 2 (1918-1924). — 494 pp.
19. Rosenthal D.E. Handbook in Russian language for entering universities / D.E. Rosenthal. — М.: Education, 1990. — 223 pp.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 802/809:378.6.022

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ковалева Л.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, d-r of philological sciences, full professor Kovaleva L.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Л.В. Ковалева

ОБРАЗНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеосочетаний, включающих в свой состав лексемы «птица» и «медведь», в русском и немецком языках. Автор приходит к выводу, что образность является основой создания фразеосочетаний как в русском, так и в немецком языках. Переосмысление немецким и русским народами разных сторон национальной жизни нашло свое воплощение в специфике образов, положенных в основу фразеосочетаний, которые, репрезентируясь во фразеологизмах, отражают своеобразие семантической системы анализируемых языков.

L. V. Kovalyova

FIGURATIVENESS AS ONE OF THE IDIOMATIC CATEGORIES

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and German languages idioms including lexemes “bird” and “bear”. The author concludes that figurativeness is the basement of idioms forming in both languages. The idioms reflect the peculiarity of the two semantic systems and different sides of national life.

Сегодня возросла проблема образности в лингвистике, интерес ученых направлен на изучение образности как семантической категории. «Образ», «образность» объект изучения разных наук логики, философии, психологии, лингвистики, имеет много значений, такое многообразие значений объясняется тем, что изучается этот феномен с разных точек зрения и в разных науках.

Однако все сходится на одном – образ – это средство познания способом чувственного отражения действительности. А.А. Потебня считал, что «чувственный образ исходная форма мысли». Считается, что мышление в образах входит как существенный компонент во все без исключения виды человеческой деятельности, поэтому понятие образности является одной из ключевых, фундаментальных категорий. Возникает вопрос, насколько изучена и определена данная проблема.

Проблема образности имеет длительную историю своего исследования в лингвистике, начиная от Аристотеля и продолжает оставаться предметом постоянного внимания до сегодняшнего дня. Аристотель писал: «Никогда душа не мыслит без образа, «... нет ни одной вещи, которая бы существовала отдельно от (своих) чувственно воспринимаемых величин... Ничто не воспринимающий чувственно не может ничего ни признать, ни понять». Аристотель утверждает, что ум чист и невозможен без чувств. [1]. З.С.Паперный считает, что термин «образ» «употребляется в столь различных смыслах, что подчас утрачивает присущую термину определенность, точную очерченность границ» [2]. В.Б.Шкловский пишет: «В качестве основы художественного произведения иногда выдвигают вообще образность. Но что такое образность – неизвестно. Под словом «образ» понимают особый способ изображения, художественность описания: одновременно говорят про «образ Татьяны» или «образ Онегина». То есть под образом понимают человека, изображение. Слово «образ» - это тоже образ. Это не точное определение – не термин» [3]. Проблема трактовки понятий «образ» и сейчас представляется одной из наиболее сложных. Если образ входит в чувственное познание окружающей действительности, то его связь с мышлением неоспорима, то есть является когнитивной категорией.

Отсюда следует, что когнитивные процессы, находящиеся в постоянном движении, подчинены определенным психическим зако-

нам: особенностям восприятия (зрительное, слуховое и т.д.), ассоциациям по сходству и смежности, абстрагированию, являющемуся высшим психическим процессом, обобщенного и опосредованного отражения действительности в ходе анализа и синтеза, в котором участвуют разные когнитивные механизмы мозга.

Наглядно-чувственные когнитивные процессы, одним из которых является восприятие, фиксируют образ предмета, вычлняя отдельные, наиболее существенные его признаки и свойства или явления, и сохраняют полученный образ. На этом уровне когнитивных процессов путем перцепции происходит охват большого диапазона признаков предмета, и при помощи чувствительной избирательности (эмоций, оценок) формируется целостный образ. Процесс восприятия и заканчивается вычлнением предметного содержания образа и чувственного отношения к нему. Еще Потебня писал, что образ субъективен, потому что есть результат нам исключительно принадлежащей деятельности и в каждой душе слагается иначе, и объективен, потому что появляется при таких, а не других внешних побуждениях и проецируется душою» [4].

Можно отметить, что формирование наглядно-чувственного образа является когнитивным процессом, заключающемся в осознании конкретного предмета окружающей действительности путем создания информационного образа этого предмета на чувственном уровне познания, полученного при помощи органов чувств.

В результате когнитивных процессов происходит метафоризация, осмысление, структурирование не только отдельных образов, но и целых ситуаций. Это влечет за собой новое видение ситуации, она осмысливается, начинает видеться и пониматься иначе. Признаки, свойства, входящие в первоначальное понимание ситуации, приобретают совершенно иной смысл и иные свойства. В основе процесса переструктурирования лежит аналогия, ассоциация, в результате действия которых происходит переключение с одного признака на другой по сходству и подобию, причем сознание выбирает те признаки, которые важны для него в конкретной ситуации. Любой национальный язык отражает когнитивные структуры и вербализует их, в свойственном только ему виде, специфически отражая объективную действительность, выступая как совокупность знаний определенного общества, этноса. Поэтому язык, отражая познавательную деятельность людей, “отражает единую природу мира в концептуальном аппарате человека, как универсальной понятийной системе, ... Своеобразие каждой языковой системы состоит именно в особенностях комбинации значений и языковых единиц, результируемых так или иначе в единую семантическую картину мира” [5].

Таким образом, связи языка и культуры многогранны, и их изучение служит связующим звеном между лингвокультурологией и этнолингвистикой. Гумбольдт отмечал, что многообразие языков на земле не есть что-то случайное или

просто помеха общению, а необходимое для человечества разнообразие. Причина такова: каждый язык содержит в своем содержательном строе, своем понятийном мире и своих мыслительных формах один способ мыслительного формирования и понимания мира. Множество языков включает, таким образом, множество «миропониманий». Всякое видит реальный мир только с одной стороны. Глубокий смысл сравнения языков, поэтому, заключается в том, чтобы раскрыть различия картин мира, исследовать каждый язык в своеобразии его внутренней формы и извлечь из совокупности этих картин мира общее для них».

Сходства и различия языков и культур можно выявить только путем сопоставительного анализа. По словам Ю.С.Степанова, “сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической картине языка” [6].

Свои трудности в этом направлении представляют и фразеологизмы, выражающие национально окрашенное отношение к миру, системе ценностей, образу жизни, хранящие традиции той или иной этнокультурной общности. В силу своей яркой национальной окрашенности, они всегда привлекали особое внимание ученых-лингвистов. Сопоставление устойчивых словосочетаний разных языков представляет как теоретический, так и практический интерес. В то же время фразеосочетания являются ценным страноведческим материа-

лом, поскольку в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

Обратим внимание на фразеологизмы русского и немецкого языков, имеющие в своем составе лексемы, обозначающие животных.

Сравним фразеосочетания с лексемой «птица» - «Vogel» в двух языках. Птица –Vogel есть, следуя определению в первом денотативном значении «покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом». То есть когнитивный образ в обоих языках совпадает. Однако происхождение образа в анализируемых языках различен. Как же этот образ реализуется в двух языках?

Русский денотат происходит от смысла маленький «птах», от древнего корня и восходит к индоевропейской основе, выразившей представление о чем-то малом, немногом. Слово «птица» появляется в русском языке только в X веке. Отсюда переосмысливается этот образ в первом коннотативном значении. Поэтому коннотативное значение и получает иронический оттенок. «Это что за птица?», «Невелика птица» - о незначительном человеке; «Важная птица» - о человеке, занимающем высокое положение, но заважничал; «Птица высокого полета» - о том, кто занимает важное положение; «Вольная птица» - о свободном, ни от кого не зависящем человеке.

В немецком языке «Vogel» происходит от древнегерманского глагола *pleuk* – в значении быстро передвигаться, то есть летать по воздуху *fliegen*, плавать по воде и т.д., то есть в отличие от русского смыс-

ла «что-то маленькое» образ птицы связан с быстрым передвижением. Отсюда и разница во фразеологизмах. Например: “Der Vogel ist ausgeflogen” (букв. птица уже улетела), то есть кто-то быстро исчез – русское смысля. «Du hast wohl einen Vogel unter dem Hut” (букв. у тебя что, птица под шляпой), то есть: «ты не можешь снять шляпу» - не можешь поклониться, голова отвалится? Значение фразеологизма связано с тем, что если человек снимет шляпу, то птица упархнет.

Есть фразеосочетания в немецком языке, связанные с внешним образом птицы, ее свойствами. Так в немецком языке реализуется смысл – не мыслить как человек, то есть по-русски иметь куриные мозги. «Einen Vogel haben” (букв. иметь птицу) – неадекватно мыслить, то есть иметь пунктик.; “Jemandem den Vogel zeigen” (букв. показывать кому-либо птицу) – жест, которым указывают собеседнику на то, что он свихнулся.

Свойство некоторых птиц петь, послужило в немецком языке появлению фразеосочетаний с данным признаком. Например: “jemandem hat ein Vogelchen gesungen” (букв. Кому-то птичка напела) – прослышал о чем-то, поведал; русское – со-рока на хвосте принесла. Очень интересный фразеологизм в немецком языке «den Vogel abschiessen» (букв. убить птицу) в значении добиться успеха. Этот фразеологизм связан с традиционными праздниками немцев. Существует праздник стрелков. Ставили на большое расстояние деревянную птицу и стреляли в нее. Кто попадал, то есть сбивал птицу

становился предводителем стрелков, так называемым королем стрелков.

Рассмотрим фразеосочетания с лексемой «медведь» и «Bär» в анализируемых языках. Лексема «медведь» в русском языке происходит от сочетания двух слов «мёд, медовый» и «еда, пища», откуда данное животное получило название – поедатель мёда. Немецкая лексема происходит от *berin – braun* (коричневый).

Рассмотрим фразеосочетания с базовой лексемой “медведь” в русском и немецком языках, обозначающей “ крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами”.

Фразеосочетания с лексемой “медведь” в русском и немецком языках имеют общие компоненты, связанные с такими качествами этого животного, как неуклюжесть, неповоротливость. В русском языке существуют следующие фразеосочетания: “неуклюжий как медведь”, “медвежья объятья”, “медвежья услуга”; немецкий язык – “*ein rechter Bar*”, “*wie ein Bar*” (букв. настоящий медведь); “*plump wie ein Bar*” (букв. неуклюжий как медведь); “*da geht der Bar ab*” (букв. здесь прошел медведь) - здесь все поломано, что-то случилось, произошло); признак тяжеловесности: русский язык – “медведь на ухо наступил”; немецкий язык “ *da tanzt der Bar*” (букв. здесь танцует медведь).

Некоторые фразеосочетания с лексемой “медведь” имеют и сугубо национальные, не имеющие эквивалентов в анализируемых языках, черты. Например, в русском языке смысл “деление несуществующей

прибыли” выражен фразеосочетанием “делить шкуру неубитого медведя”, в немецком языке специфичны следующие фразеосочетания: понятие “безделье” выражено фразеологизмом “*auf der Barenhaut liegen*”(букв. лежать на медвежьей шкуре); “сила и здоровье” - “*gesund wie ein Bar*” (букв. здоров как медведь); “лгать, обманывать” - “*jemandem einen Baren aufbinden*” (букв. привязать кому-либо медведя).

Таким образом, как показывают примеры, образность является основой создания фразеосочетаний. Однако специфика переосмысления как немецким, так и русским народами разных сторон национальной жизни нашло свое воплощение в специфике образов, положенных в основу фразеосочетаний, которые, репрезентируясь во фразеологизмах, несут своеобразие в семантической системе анализируемых языков. В связи с этим, полное тождество фразеологической концептуализации чрезвычайно редкое явление. Чаще одни и те же образы окружающей действительности порождают разные ассоциации, осмысляются с разных сторон, в них видятся разные концептуальные признаки, которые становятся основой фразеосочетаний, выражающих сугубо национальное отношение к миру носителей той или иной культуры, а также процессы мировидения и миропонимания в разных лингвокультурных сообществах.

Библиографический список

1. Аристотель. Об искусстве поэзии (Поэтика). М., 1957.
2. Паперный З.С. Поэтический образ Маяковского. М., 1961.
3. Шкловский В.Б. В чём особенность искусства. Собр. соч. Т.3. М., 1974.
4. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
6. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.

References

1. Aristotle. On the art of poetry (Poetics). – Moscow, 1957.
2. Paperny Z.S. Poetic image of Mayakovsky. – Moscow, 1961.
3. Shklovsky V.B. What the peculiarity of art is. Collected works. Vol.3. – Moscow, 1974.
4. Potebnya A.A. Word and myth. – Moscow, 1989.
5. Kolshansky G.V. Objective picture of the world in cognition and language. – Moscow, 1990.
6. Stepanov J.S. French stylistic. – Moscow, 1965.

УДК 802/809

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Николаева Ю.Ю.*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer
J.J. Nikolaeva*

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Ю.Ю. Николаева

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕРЕАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

В данной статье рассматриваются и анализируются фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, обозначающие нереальные явления в русском и английском языках. Дается сравнительная характеристика фразеологизмов, основанная на их национальной специфике и универсальных межъязыковых соответствиях.

J.J. Nikolaeva

IDIOMS MEANING UNREAL PHENOMENA IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article concerns Russian and English idioms including zoonyms and meaning unreal phenomena. Comparative characteristic of the idioms based on national features and universal language correspondence is given.

Приоритетным направлением современной лингвистики является изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт, который находит непосредственное отражение в образной структуре фразеологизмов. Фразеология каждого языка оригинальна. Здесь находят своё отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире.

Современное социолингвистическое направление в изучении фразеологических единиц выдвинуло на передний план необходимость комплексного анализа их этнокультурной специфики и универсальных, межязыковых отношений на основании культурологически релевантных признаков. Не случайно большинство исследований в области фразеологии ориентировано не на механическое выявление параллельных конструкций ФЕ (фразеологических единиц) в разных языках, а на раскрытие внутренних связей и взаимобусловленности изучаемых языковых явлений.

Всестороннее и глубокое изучение национальной специфики фразеологизмов должно вестись в лингвистической парадигме «диалога культур» и способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации.

Во фразеологии каждого языка есть группы слов-символов. Наиболее распространенной является группа наименований животных. Животные всегда играли значительную роль в жизни человека. Они обожествлялись и часто использовались перво-бытными людьми в ритуалах, а именно из ритуалов, по мнению многих лингвистов, и возник язык.

ФЕ, содержащие зоонимы, представляют собой достаточно большой слой лексики и отличаются высокой степенью распространенности и универсальности, поскольку активно используются в речевой деятельности в качестве образной характеристики человека, ситуации, события, обладая высоким оценочным потенциалом.

В данном докладе рассматриваются ФЕ с компонентом-зоонимом в русском и английском языках, построенные на алогизме, когда животному приписываются те свойства, которыми оно не обладает, или представляется ситуация, которая не может иметь места в реальной действительности.

В целом традиционный выбор зоонимов во фразеологическом фонде русского и английского языков имеет много общего, как в аспекте теории номинации, так и с точки зрения коннотации. Наибольший процент приходится на об-

разы домашних животных: коня, собаки, кота, свиньи и др. Реже встречаются образы диких животных: льва, волка, зайца, лисы, медведя и др. Общие коннотации, основанные на наблюдениях за животными, часто возникают в разных языках независимо друг от друга и свидетельствуют об универсальности человеческого мышления.

Например, ФЕ с зоонимом «лев» (рус. – светский лев; англ. – lion («лев»)), в основе которых в английском и русском языках лежит стереотипный образ, включающий в себя представление об этом животном, как о царе зверей. «Фразеологизм содержит зооморфную метафору, уподобляющую человека, пользующегося успехом в высшем свете и обладающего соответствующими манерами поведения, льву, отличающемуся величественными повадками и занимающему «царственное» положение в мире животных. Фразеологизм в целом отображает стереотипное представление об уверенном в своих успехах в обществе человеке. Но буквально этот фразеологизм представляет нереальную ситуацию». Лев («крупное хищное животное семейства кошачьих») не может быть членом светского общества.

С другой стороны, вследствие культурологических факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира и разных литературных источников многие зооморфные ФЕ содержат некий элемент значения, который понятен только носителям обслуживаемой этим языком культуры.

Например, в английском языке встречается фразеологизм «it rains cats and dogs» (о сильном дожде). Дословный перевод на русский язык здесь невозможен, так как содержание не будет иметь никакого смысла – «дойдет кошками и собаками». Существует несколько вариантов происхождения этого фразеологизма:

- 1) В Европе 16 в., когда крыши крестьянских домов были покрыты соломой, животные могли забираться на крышу для укрытия и потом падать оттуда во время сильного дождя.
- 2) Канализация в европейских домах 17 в. была слабой, поэтому во время сильного ливня её содержимое выливалось наружу вместе с трупами животных, находившихся в ней.
- 3) В древнескандинавской мифологии, сохранившейся в традициях королевского ВМФ Великобритании, кошка предвещает грозу и ливень, для чего её обязательно держат на кораблях и используют в качестве барометра. Волк же и пёс в той же мифологии часто знаменуют собой ветер, ураган.

Фразеологизмы, как национально окрашенные единицы одного языка, могут иметь три основных типа соответствий фразеологическим единицам другого языка.

В первом типе соответствий (по терминологии Кунина А.В. – полные эквиваленты) [1, 9] комплекс значений фразеологизма совпадает в обоих языках. Как правило, такие соответствия обнаруживаются у интернациональных фразеологизмов, основанных на мифологических преданиях, библейских легендах, исторических фактах. Совпадение анималистических образов в английском и русском языках часто проявляется в результате заимствования из латинских и древнегреческих текстов. В силу того, что доступ к культурному наследию древности имели разные народы, данные культурологические единицы прижились в каждом из анализируемых языков.

Например:

- а) «Ворона в павлиньих перьях» (рус.) и «Jackdaw in peacock's feathers» (англ. – «галка в павлиньих перьях»).

Так называют тех, кто хочет казаться лучше, умнее, чем он есть. В русском языке этот фразеологизм появился благодаря басне И.А. Крылова «Ворона» (1825 г.), которая является переводом басни Эзопа:

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,

Ворона с Павами пошла гулять спесиво... [8, 458].

Ворона более традиционный образ в русской литературе, нежели галка. Фразеологизм основан на нереальности внешнего признака. Ворона (галка) не может иметь павлиньи перья.

б) «Лебединая песня» (рус.) и «Swan song» (англ. – «лебединая песня») – последнее высшее достижение, последнее проявление таланта, способностей.

«Фразеологизм встречается в сочинениях древнегреческих и древнеримских авторов. Метафорически образное основание фразеологизма имеет глубокие корни. Восходит к поверью о том, что лебедь поёт единственный раз в жизни – перед смертью, и соотносимо также с древнейшим представлением о лебеде, как особо почитаемой, «святой» птице, символизирующей благородство и чистоту. Соотносится с зооморфным кодом культуры, т.е. с совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках и особенностях поведения лебедя, которые выступают как источник осмысления человеком мира». В данном случае эти представления не соответствуют реальности. Лебедь – не певчая птица, и голос его не настолько прекрасен.

в) «Крокодиловы слёзы» (рус.) и «Crocodile tears» (англ. – «крокодиловы слёзы»).

«Выражение возникло из древнего, но не соответствующего действительности, поверья о том, что крокодил,

прежде чем окончательно проглотить свою жертву, плачет. В древнейших представлениях, характерных для различных религий и мифологических систем, крокодил уподоблялся хтоническим (рождённому землёй, связанным с преисподней) животным. В современном восприятии крокодил связан со стереотипным представлением о хищности, прожорливости и беспринципности. Слёзы в образе фразеологизма выступают как символ сожаления, раскаяния. Контраст между жестокими поступками или чувствами и внешними проявлениями скорби и сочувствия, лежащий в основе образа фразеологизма, позволяет ему в целом выступать в качестве эталона, т.е. меры циничного лицемерия. Этот образ универсален в мировидении европейцев».

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передаётся с помощью разных образов при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма (частично-лексический эквивалент по терминологии Кунина А.В. [1, 9]):

1) русские эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности, но несколько расходящиеся по лексическому составу. Примером могут служить следующие обороты:

«Kill the goose that laid the golden eggs» (англ. – «убить гуся, несущего золотые яйца») и «Убить курицу, несущую золотые яйца» (рус.).

Эзоп придумал басню про гуся, который каждый день нёс золотые яйца. Этот волшебный гусь достаточно обогатил своего хозяина. Но тот в приступе жадности зарезал гуся, надеясь найти в нём много золотых яиц. Птица же оказалась самой обыкновенной. Поэтому англичане, губя перспективное дело,

вспо-минают о гусе, несущем золотые яйца.

В русском языке фразеологизм появился благодаря переводу Льва Толстого. Но здесь появляется образ курицы. Это не случайно, так как курица, несущая золотые яйца, встречается в русском фольклоре. Это всем известная курочка Ряба.

2) русские эквиваленты английских фразеологических единиц, совпадающие с ними по значению, по стилистической направленности, но разные по образности (это явление Комиссаров В.Н. называет аналогом [7]).

Например:

«When pigs fly» (англ. – «когда свиньи полетят») и «Когда рак на горе свистнет» (рус.).

Фразеологические единицы имеют значение «неизвестно когда; в неопределённом будущем времени; никогда». Они выражают ирреальное время, вызывают представление, связанное с нереальной ситуацией, когда животному (свинья, рак) приписываются свойства, которыми оно не обладает. Образное значение таких конструкций реализуется в результате нарушения «логической» сочетаемости компонентов. Раки не свистят и не могут подняться на гору, а свиньи не способны летать.

«Enough to make a cat laugh» (англ. – «это и кошку рассмешит») и «Курам на смех» (рус.).

Фразеологические единицы имеют значение «нелепо, глупо, несуразно, ужасно смешно».

В русском языке курица связывается со стереотипным представлением о скудоумии и выступает как символ крайней глупости (ср. куриные мозги, куриный ум), она не способна понимать юмор. А кошка слишком умна и царственна, поэтому рассмешить её невозможно. Но в реальной жизни, как кури-

ца, так и кошка, будучи животными, смеяться не умеют.

«Make a mountain of a molehill» (англ. – «делать гору из кротовой кочки») и «Делать из мухи слона» (рус.).

В основе обоих фразеологизмов – логико-семантическая несовместимость. Фразеологическая единица играет роль гиперболы. Но в английском языке фразеологизм связан с животным косвенно (кротовая кочка – результат деятельности крота).

«Scarce as hen`s teeth» (англ. – «редкий, как зубы курицы») и «Кот наплакал» (рус.).

В русском фразеологизме образ основан на наблюдении за поведением давно известного в традиционных культурах домашнего животного – кота – и отражает стереотипное представление о том, что это животное не умеет плакать. Данный образ в его метафорическом осмыслении, которое основано на приёме «небывальщины», выступает как эталон минимальной меры материальной, интеллектуальной или духовной собственности. Английский фразеологизм также основан на использовании нереального факта – у курицы не может быть зубов.

Третий тип соответствий создаётся путём калькирования (дословного перевода) [1, 10] образной единицы. Широко используется для передачи национально-этнического компонента значения фразеологизма. Например:

«To grin like a Cheshire cat» (англ. – «сардонически улыбаться, как Чеширский кот»).

Если в оригинале употреблена фразеологическая единица, где связь между переносным и прямым значением недостаточно ясна, то калькирование образа приведёт к разрушению смысла фразеологической единицы. Поэтому иногда используют описательный перевод [1, 10].

Например:

«No room to swing a cat» (англ. – «негде крутить привязанную за хвост кошку») – «Повернуться негде», «Иголке негде упасть» (рус.).

В английском языке виден пример алогичного, фантастического сравнения. Это делает фразеологизм весьма выразительным эмоциональным средством, наделённым семантическими стилистическими оттенками иронии, гиперболы. Ту же стилистическую функцию выполняет гипербололизация в зоониме «Enough to make a cat speak» (англ. – «достаточно, чтобы заставить кошку говорить») – «Диву даёшься» (рус.). Образ кошки – это образ животного, которое может вдруг заговорить, если случится чудо.

«Бред сивой кобылы» (рус.) – «Nonsense, rubbish» (англ.) – «Talk wet» (амер. сленг – «сырой разговор») – «бессмыслица, чушь, вздор, нелепица».

«Бред сивой кобылы» – выражение собственно русское. Сивая (серая, с лёгкой примесью другого цвета) лошадь считалась в народе глупой и увидеть её во сне значило столкнуться с ложью».

«Шуба на рыбьем меху» (рус.).

Выражение к меху имеет лишь то отношение, что говорит об одежде, никакого меха не имеющей. В этом его

смысл – у рыб меха нет. Поэтому любую холодную одежду иронично называют «шубой на рыбьем меху». Выражение это старинное из народа.

Часто бывает так, что фразеологическая единица с компонентом-зоонимом в одном языке соотносится с фразеологической единицей без этого компонента в другом языке:

«Волчий билет» (рус.) – «Black list» (англ. – «чёрный список»); «Live under the cat's foot» (англ. – «жить под кошачьей лапой») – «Жить у жены под каблуком» (рус.); «Cast sheep's eye at» (англ. – «бросать овечий взгляд») – «Бросать влюблённые взгляды» (рус.).

Но объединяет все эти фразеологические единицы то, что они основаны на нереальных фактах и ситуациях.

Таким образом, при рассмотрении фразеологических единиц русского и английского языков, учитывается множество факторов: происхождение, национальная специфика, стилистика и др. Особое внимание уделяется фразеологизмам с компонентом-зоонимом, в которых описываются нереальные ситуации. Несмотря на то, что в родственных языках образы фразеологизмов могут совпадать, гораздо чаще они отличаются. И небрежный перевод может привести к искажению смысла высказывания

Библиографический список

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1264 с.
2. Фразеологический словарь русского языка/ Сост. Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Фёдоров; Под.ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ Отв. Ред. д-р филол. Наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Англо-русский словарь / Авт.-сост. Н.В.Адамчик. – Мн.: Современный литератор, 2001. – 832 с.
5. Оксфордский русско-английский словарь / Сост. Маркус Уиллер. – М.: Престиж, 1998. – 913 с.

6. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2007. – 640 с.
7. Комиссаров В.Н. и др. Пособие по переводу с английского языка на русский. - Ч.1. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1960. – 176 с.
8. Крылов И.А. Басни. - Белый город, 2003. – 640 с.
9. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С.125-149.
10. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка. – М.: Либроком, 2010. – 192 с.
11. Проблемы фразеологической семантики/ А.К.Бирих, С.С.Волков, Н.М.Кабанова, М.Ю.Котова, В.М.Мокиенко и др. – СПб: Изд-во С. – Петербургского университета, 1996. – 172 с.

References

1. Kounin A.V. English-Russian idiomatic dictionary. – Moscow, 1967. – 1264 p.
2. Idiomatic dictionary of Russian language. – Moscow, 1978. – 543 p.
3. Great idiomatic dictionary of Russian language. Meaning. Usage. Culture comments. – Moscow, 2006. – 748 p.
4. English-Russian dictionary. – Moscow, 2001.– 832 p.
5. Oxford Russian- English dictionary. – Moscow, 1998. – 913 p.
6. Dictionary of Russian language. – Moscow, 2007. – 640 p.
7. Komissarov V.N. Textbook on translation from English to Russian. – Part 1. – Moscow, 1960. – 176 p.
8. Krylov I.A. Fables. – Moscow, 2003. – 640 p.
9. Larin B.A. History of Russian language and general linguistics. – Moscow, 1977. – P. 125-149.
10. Kopylenko M.M., Popova Z.D. Sketches on general phraseology: Idioms in language system. – Moscow, 2010. – 192 p.
11. Problems of idiomatic semantic. – St.-Petersburg, 1996. – 172 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26 ББК 83.3(2Рус=Рус)6я437

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Подвигина Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, assistant lecturer Podvigina N.B.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;

e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Подвигина

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И.С. ШМЕЛЕВА

В статье на основании сопоставления с общенациональной картиной мира анализируется специфика индивидуально-авторской картины мира И.С. Шмелева, рассматриваются когнитивные признаки концепта «икона», актуализирующиеся в романе «Пути небесные», и способы лексической объективации данного концепта в исследуемом тексте.

N.B. Podvigina

SPECIFIC CHARACTER OF I.S. SHMELYOV'S PICTURE OF THE WORLD

The specific character of I.S. Shmelyov's picture of the world is sited in the article in comparison with the national picture of the world. Also, the cognitive features of the concept "icon" and the ways of its verbalization in the novel "Heavenly ways" are analyzed

Актуальность исследования концептов, вербализованных при помощи православных лексем, и анализ способов их языковой объективации в индивидуально-авторской картине мира русского писателя-эмигранта И.С. Шмелева заключается, во-первых, в отсутствии работ такого плана.

Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных средств проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей.

Когнитивный анализ лингвистических категорий позволяет выявить основные тенденции в развитии менталитета и психологии представителей той

или иной национальной общности. Во-вторых, выбор обусловлен важностью концептов, вербализованных при помощи православных лексем, в русской национальной концептосфере и культурном пространстве. В-третьих, необходимостью является моделирование концептов, то есть структурированное описание их содержания, которое осуществляется посредством когнитивной интерпретации результатов анализа языковых средств их объективации.

Концепты – содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике – являются центральным объектом исследования когнитивной лингвистики.

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый язык представляет собой определенную систему концептов, благодаря которой носители языка могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, которая поступает из окружающего мира. Возможность категоризации объектов позволяет объединять их в классы на основании определенных сходств.

Концепт представляет собой ту абстрактную единицу, которой человек оперирует в процессе мышления.

Эти единицы отражают результаты знаний, полученных человеком, накопленного им опыта. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая, соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления.

Задачей данного исследования является рассмотрение специфики языковой картины мира русского писателя-эмигранта И.С. Шмелева на основании анализа способов вербализации концепта *икона* в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *икона*, актуализиру-

емого лексемой *икона* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

«...иконы сияли ризами, венчиками из розочек, голубыми лампадками Рождества» (2, 190); актуализируется когнитивный признак «изображение, украшаемое на праздник».

«С тяжелым сердцем склонилась она перед *Иконой*, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, Пречистая!..» (2, 186); актуализируется когнитивный признак «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пальцы, висели душевные *иконы* – Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» (2, 189); актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

«После чая она ... помолилась глазами на *иконы* ...» (2, 307); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«Пошла в спальню, встала перед Казанской, сложила в немой мольбе ладони и с болью вспоминала, как благословляла ее матушка Агния, как тайком пронесла она эту *икону* из обители, обманула матушку Виринею...» (2, 323 – 324); актуализируется когнитивный признак «изображение, осуществляющее покровительство».

Для объективации концепта *икона* автором используются также следующие лексемы: *иконная*; *образ*; *имена собственные*, *обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона*; *Владычица*;

Пречистая; ФС Страстная Матерь Божия, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

- *Иконная.*

Данная лексема образована от производящего существительного «икона» при помощи суффикса «н», который придает лексеме торжественную окраску.

« - Она была *новая* для меня, *явленная... иконная!* – рассказывал восторженно Виктор Алексеевич. – Уже тогда показалось мне, что не от мира этого она» (2, 161); актуализируется когнитивный признак «почитаемая как относящаяся к миру Бога, святых».

- *Образ:*

«В комнатах висели *образа*, разысканные в сундуках, старинные» (2, 144); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Она перекрестилась на мигавший за елкой *образ* и с тоской прошептала: «Господи!»» (2, 211); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Ей стало страшно, и она отошла от *образа*» (2, 324); актуализируется когнитивный признак «изображение Бога, святых, внушающее страх».

- *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона:*

«Как-то ночью он услышал, что она горько плачет, детскими всхлипами. ... Он стал утешать ее, спрашивать, что случилось. Прильнув к нему, она поведала, что ей страшно, что Господь не простит ее, что она грешница из грешниц, ... что у них даже и лампадка не

горит, а она боится без лампадки, и *Матушка-Казанская* ... «во тьме висит» (2, 140 – 141); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду».

«Она взглянула на него, «разумными глазами», и лихорадочно-быстро стала говорить, вполне сознательно: «Так нельзя, в темноте, без лампадки... за-тепли, миленький... поставь поближе ко мне на столик, благословение мое... *Казанскую-Матушку*» (2, 153); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

«У *Казанской* не теплилась лампадка: забыла ее оправить» (2, 306); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пьалы, висели душевные иконы – *Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы*, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» (2, 189); актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

- Лексема *Владычица:*

«Ждала только, церковь когда откроют, помолиться перед *Владычицей*»; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения» (2, 97).

- Лексема *Пречистая:*

«С тяжелым сердцем склонилась она перед Иконой, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, *Пречистая!*...» (2, 186); актуализируется когнитивный признак «живописное изобра-

ражение Божьей Матери, являющееся объектом просьб».

- *ФС Страстная Матерь Божия:*

«Взглянула на *Страстную Матерь Божию* и подумала в сердце, будто Пречистая мне велит: «Все прими, испей» (2, 119); актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать».

- *Составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

«Обрадованный, что она говорит разумно, что, должно быть, ей стало лучше, он перенес и устроил на столике у ее постели *образ Богородицы Казанской*, благословение матушки Агнии...» (2, 154); актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

« - Было, конечно, глупо передавать ей пошлости, - рассказывал Виктор Алексеевич, - но я тогда этими пустяками упивался, и восторги других от Дариньки ... были приятны мне. Помню, этот сюсюкающий бароша встретил меня тогда словами: «Она – пре-ле-стна, твоя монашка! Она – жемчужина ... с чудотворной *иконы Страстной Богоматери...*» (2, 229); актуализируется когнитивный признак «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять».

«Как всегда, к ночи, топилась лежанка, полыхала. В пламени от нее светился розовым серебром оклада *образ Рождества Богородицы*» (2, 251); актуализируется когнитивный признак «ценное изображение».

Итак, в анализируемом произведении концепт *икона* актуализирует следующие когнитивные признаки:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраива-

ющий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

В русской национальной концептосфере по данным словарей можно выделить следующие основные когнитивные признаки концепта *икона*: «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих»; «предмет культа, являющийся посредником между молящимся и первообразом»; «предмет поклонения, почитаемый молящимися как святой и настраивающий на нужный лад при общении с Богом, Божьей Матерью, ангелами, святыми»; «предмет религиозного культа, обладающий чудодейственными свойствами, способностью исцелять» (1, т. 7, 206 – 207).

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта *икона* в языковой картине мира И.С. Шмелева являются те когнитивные признаки, которые невозможно описать на основе анализа материала словарей, их выделение осуществляется только путем исследования произведения И.С. Шмелева. К ним относятся следующие:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитаемая как относящаяся к миру Бога, святых»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «любимое изображение»; «живописное изобра-

жение Божьей Матери, являющееся объектом просьбы»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Для объективации данных когнитивных признаков используются лексемы *икона*, *иконная*, *образ*, *образок*, лексемы - *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона*, лексемы *Владычица*, *Пречистая*, *ФС Страстная Божия Мать*, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка: В 17 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М., СПб.: «Наука», 2007.
2. Шмелев И.С. Пути небесные / И.С. Шмелев // Издание 2-е. – М.: «Дарь», 2007. – 848 с.

References

1. Great academy dictionary of Russian language in 17 vol. – Moscow – St.-Petersburg, 2007.
2. Shmelyov I.S. Heavenly ways. – Moscow, 2007. – 848 p.

УДК 801/3=82(045/046):22

Воронежский государственный архитектурно-
строительный университет

Ассистент кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации Суханова Т.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and
Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-
cultural communication, assistant lecturer
Sukhanova T.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.В. Суханова

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РАССКАЗАХ Т. ТОЛСТОЙ

В статье предпринята попытка определить некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой. Выявлены когнитивные признаки концепта «женщина» в анализируемых произведениях и описаны номинативные единицы, репрезентирующие данные признаки.

T.V. Soukhanova

WAYS OF REPRESENTING OF THE CONCEPT "WOMAN" IN T. TOLSTAYA'S STORIES

In the article we make an attempt to define some tendencies of representing of the concept "woman" in T. Tolstaya's stories. The cognitive features of the concept are revealed and the lexical units they are represented by are described.

В данном исследовании попытались определить некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концепта «женщина» в творчестве Т. Толстой (на материале рассказов «милая Шура», «На золотом крыльце сидели...», «Соня», «Поэт и Муза»).

При анализе произведений были выявлены следующие когнитивные признаки концепта *женщина*:

1. Когнитивные признаки, содержащие информацию о возрасте (*старая, зрелая, молодая*).

Данные признаки репрезентированы следующим образом:

Лексемой *бабуля*: *Снимите шляпу, бабуля!* В данном контексте *бабуля* име-

ет значение «старая женщина» и отражает положительную оценку, подчеркивает женственность.

Лексемой *бабки*. Данная лексема имеет то же значение, что и *бабуля*, но здесь явно прослеживается негативное отношение, подчеркивается грубость, напористость, мускулинность: «Бабки с ведрами».

Сочетанием *уже не девочка*: «*Ада была в своей лучшей форме, хотя уже и не девочка...*».

Лексемой *молодость*: «Мне нравится ваша бегом убежавшая молодость», «Жаль, что вы не знали ее в молодости...».

Лексемой *девушка*: «девушки в брюках», «девушки с запросами в глазах».

2. Когнитивные признаки, содержащие информацию о семейном положении (*одинокая, замужняя*).

Данные признаки репрезентированы следующим образом:

Лексемой *отшельница*: «Побывала она отшельницей».

Словосочетаниями *старая дева, ничьи девушки*.

Лексемами *замужняя, замужем*: «Побывала она замужем», «Иногда она приходила к какой-нибудь замужней подруге».

Словосочетанием *полновластная хозяйка*: «О, если бы она могла стать не случайной, зыбкой подругой, а полновластной хозяйкой...».

Контекстами «Дядя Паша – муж такой страшной женщины», «А это ее второй муж, ну а это – третий – не очень удачный выбор».

3. Когнитивные признаки, содержащие информацию о типичной деятельности, характерной для женщины:

-готовит пищу: «Соня хорошо готовила. Торты накручивала великолепные. Потом вот эту, знаете, требуху, почки, вымя, мозги – их так легко испортить, а у нее выходило – пальчики оближешь»;

-рукодельница: «...выяснились и Сонины незаменимость на кухне, и швейные достоинства...»;

-заботится о доме, детях, муже: «Она любила детей, это ясно, и можно было поехать в отпуск, хоть в Кисловодск, и оставить на нее детей и квартиру – поживите пока у нас, Соня, ладно? – и, вернувшись, найти все в отменном порядке: и пыль вытерта, и дети румяные, сытые, гуляли каждый день...»,

«...хорошо нести домой полные сумки вкуснятины, хорошо было вечером проверять, как заботливая сестра, что написал Гришуня за день».

4. Когнитивные признаки, содержащие информацию об особенностях поведения женщины и его внутренних мотивациях:

-борется за мужчину и любовь: «...нужно ей безумную, сумашедшую любовь, с рыданиями, букетами, с полупночными ожиданиями телефонного звонка, с ночными погонями на такси, с роковыми препятствиями, изменами и прощениями, нужна такая звериная, знаете ли, страсть – черная ветреная ночь с огнями, чтобы пустяком показался классический женский подвиг – стоптать семь пар железных сапог, изломать семь железных посохов, изгрызть семь железных хлебов – и получить в награду как высший дар не золотую какую-нибудь розу, не белый пьедестал, а обгоревшую спичку или автобусный, в шарик скатанный билетик – крошку с пиршественного стола, где поел светлый король, избранник сердца. Ну, естественно, очень многим женщинам нужно примерно то же самое, так что Нина была, как уже сказано, в этом смысле самая обычная женщина...»; «...женщина, боровшаяся, как нас всех учили, за личное счастье, обретшая, можно сказать, свое право в борьбе»;

-стремится сделать мужчину своей собственностью, контролировать его: «О, вырвать Гришу из тлетворной среды, обчистить с него прилипших, как ракушки к днищу корабля, посторонних женщин, вытащить из бурного моря, перевернуть, просмолить, проконопатить, водрузить на подпорки в тихое, спокойное место!», «...положить Гришуню в сундук, пересыпать нафталином, укрыть

холщовой тряпочкой, захлопнуть крышку и усесться сверху, подергивая замки: прочны ли?»;

Отметим, что данные признаки, активные и напористые действия, оль_ции_ыми на «овладение» возлюбленным, типичны для мужчины, а не для женщины. Происходит подмена ролей – женщина добивается, ухаживает, устраивает, то есть действует активно, в то время как мягкий и возвышенный мужчина становится объектом ее деятельности.

-жертвует собой: «Любящее сердце – уж говорите, что хотите – чувствует такие вещи, его не обманешь. И, догадавшись, что пора, готовая испепелить себя ради спасения своего единственного, Соня взяла все, что у нее было – баночку довоенного томатного сока, сбереженного для такого вот смертного случая, - и побрела через весь Ленинград в квартиру умирающего Николая. Сока там было ровно на одну жизнь».

-стремится нравиться: «О, конечно, у нее всю жизнь были рома-а-аны, как же иначе? Женское сердце – оно такое! Да вот три года назад у Александры Эрнестовны скрипач снимал закуток. Двадцать шесть лет, лауреат, глаза!.. Конечно, чувства он таил в душе, но взгляд – он же выдает! Вечером Александра Эрнестовна, бывало, спросит: «Чаю?..», а он вот так только посмотрит и ни-че-го не говорит! Ну, вы понимаете?..Ков-варный!».

5. Когнитивные признаки, содержащие информацию о профессиональной принадлежности:

-является врачом: «Нина была прекрасная, обычная женщина, врач...»;

-является музейным работником: «...ходили на экскурсию в музей, где Соня служила каким-то там научным

хранителем, что ли; скучная жизнь у этих музейных хранителей, все они старые девы»;

-является актрисой: «Агния, школьная подруга Гришуни, неудавшаяся актриса, немножко поет под гитару...».

6. Когнитивные признаки, содержащие оценку по внешним признакам:

- внешне привлекательная. Данный признак репрезентирован следующим образом:

лексемой *красавица:*
«...упоительная красавица – Милая Шура», «...белая огромная красавица»;

лексемой *красивая:*
«...омерзительно красивая женщина...»(заметим, что данное словосочетание отражает оценку внешности женщины другой женщиной);

лексемами *изящная, прелестная, элегантная, прекрасная:* «прекрасная купчиха в ягодной крови, страшная женщина, необъятная золотоволосая Царица, белая и тяжелая». Отметим, что в последнем примере красота (одна из традиционных характеристик женщины) соединяется со страхом, тяжестью. Женское начало нивелируется, уступая место чему-то природно-маскулинному. В этой связи приведем высказывание, отражающее данный когнитивный слой: «*Наливают ей заморские вина, Заедает она пряником печатным, Вкруг ее стоит грозная стража... Однажды с такими вот красными руками она вышла из темного сарая, улыбаясь: Теленочка зарезала...*», «*На плечах топорики держат...*»

Здесь проявляется интертекстуальность рассказа Толстой, содержащего цитату из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», посвященную грозной царице. Можно сделать вывод, что грозная кра-

сота перестает относиться к женским характеристикам и становится скорее характеристикой маскулинной. Упомянув *топорики на плечах*, автор уподобляет Царицу палачу – мужчине, поскольку оружие и убийство традиционно ассоциируются с мужчиной;

- *непривлекательная внешне, отталкивающая*. Данный признак репрезентирован следующим образом:

словосочетаниями: *лошадиные черты, ледяная верхняя губа, лицо как у лошади Пржевальского, грудь впалая, ноги толстые, косолапые ступни, расплывшийся силуэт, мышинный хвостик, чулки спущены, ноги – подворотней, убогое существо, унылая тля.*

- *похожая на мужчину, подражающая мужчине*. Данный признак прослеживается в следующем контексте: «...красивые мордатые девушки в брюках» – сочетание нейтрального и сниженного эпитетов указывает на противоположность, пошлость такой красоты. *Девушки в брюках* становятся больше похожи на представителей противоположного пола, происходит вытеснение женственности.

7. Когнитивные признаки, содержащие информацию о моральных и интеллектуальных качествах женщин:

- *язвительная, коварная*: данный признак репрезентируется лексемами *змея, по-змеиному*: «Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина острая, худая, по-змеиному элегантная, тоже попавшая однажды в неловкое положение из-за Сониного идиотизма, мечтала ее наказать. Ну, конечно, слегка – так, чтобы и самим посмеяться, и дурочке доставить небольшое развлечение. И они шептались в углу – Лев и Ада, - выдумывая что поостроумнее...», «И вот надо же – жизнь устраивает такие штуки! – сча-

стьем этим она была обязана всецело этой змее Аде Адольфовне». Здесь возникает образ *женщины – змеи*, демонической искусительницы, которая позволяет себе воспользоваться чужой добротой и шутить над беззащитной Соней.

- *романтическая*: данный признак вербализуется словосочетанием *романтическое существо*, лексемой *романтическая*: «...она была романтична и по-своему возвышенна. В конце концов, эти ее банты, и эмалевый голубок, и чужие, всегда сентиментальные стихи, не вовремя срывавшиеся с губ...»,.

- *глупая, наивная*. Данный признак репрезентирован лексемой *дура*: «Переписка была бурной с обеих сторон. Соня, дура, клонула сразу. Влюбилась так, что только оттаскивай». Номинация *дура* в данном случае не является негативной, скорее, она соотнесена с народной традицией, где дурак всегда ближе к истине, чем обычный, «умный» человек.

Итак, можно сделать вывод, что в проанализированных рассказах Т. Толстой присутствуют когнитивные признаки концепта *женщина*, отражающие исконно женские качества, такие как жертвенность, романтичность, привлекательность, женственность и др., которые оцениваются автором положительно, но служат объектом доброй, а порой грустной иронии, поскольку не ценятся в современном мире, а также когнитивные признаки, представляющие мужские качества в женщине – напористость, активность и др., которые оцениваются негативно, что выражается в иронии, использовании сниженной лексики, негативно-оценочных эпитетов. Например, появляются слабый герой и сильная героиня. Сила героини возникает не от силы ее духа, а от принятия ей на себя мужских функций. Вследствие этого ее

женственность заменяется андрогинностью, а изначально положительные дефиниции приобретают негативный оттенок и оказываются объектом авторской иронии.

Необходимо заметить, что в рассказах наблюдается разделение персонажей на «своего» («своих») – главного героя и «других» – всех остальных героев повествования. «Свой» оценивается

нейтрально или положительно, в то время как «другие» характеризуются нейтрально либо отрицательно. Таким образом, номинации и эпитеты, выражающие концепт «женщина» различаются не только с точки зрения преобладания фемининного/ маскулинного начала, но и отношением к категории «своего» или «другого».

Библиографический список

1. Т. Толстая Река Оккервиль / Толстая Т. – М., 2005. – 464 с.

References

1. Tolstaya T. The River Ockerville. – Moscow, 2005. – 464 p.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №7, 2011 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____ 2011. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 11. Усл.-печ. л. 12. Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84